

ПРАВОВО

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

1899 г.

№ 5.

Воскресенье 31 января.

„Право“ издается в С.-Петербургъ под редакціей приватъ-доцента В. М. Гессена и Н. И. Лазаревского и при ближайшемъ участіи: прив.-доц. Ф. А. Вальтера, I. В. Гессена, О. О. Грузенберга, прив.-доц. А. И. Каминка, А. А. Левенстима, проф. Л. I. Петражицкаго и В. М. Устинова.

Содержаніе: 1) По поводу вопроса о цѣнности обычного права и его изученія. Проф. Л. I. Петражицкаго. 2) Еще о проектахъ вотчинной реформы. М. С. Гольденвейзера. 3) Обзорніе практики гр. кас. департамента за 1897 г. 4) Имѣютъ-ли уѣздные члены окружнаго суда право отсрочивать исполненіе свѣихъ, вошедшихъ въ законную силу, приговоровъ и въ какихъ именно случаяхъ? Вл. Шлезингера. 5) Ө. П. Ивковъ (Некрологъ). Сергѣя Муромцева. 6) Судебный отчетъ. 7) Хроника. 8) Библиографія: I. А. С. Кривцовъ. Абстрактныя и матеріальныя обязательства въ римскомъ и современномъ гр. правѣ. Проф. Н. Л. Дювернуа. II. Вѣстникъ Права. Журналъ С.-Петербур. юр. общества.

9) Судебная и судебно-административная практика.

10) Справочный отдѣлъ (послѣ текста и на обложкѣ).

РЕДАКЦІЯ (Надеждинская, 7) открыта для личныхъ обзonenій по воскресеньямъ отъ 1 ч. до 3 ч. дня.

Статьи, присылаемыя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, исправленію и сокращенію. Статьи должны быть присылаемы за подписью автора, съ указаніемъ его адреса. Ненапечатанныя статьи возвращаются по представленію надлежащаго количества марокъ на ихъ пересылку.

Подписная цѣна: на годъ съ доставкой и пересылкой 7 руб., на полгода 4 руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ 4 р. и къ первому мая 3 рубля. За границу за годъ—10 руб. Отдѣльные нумера продаются по 20 коп.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА (Надеждинская, 7) открыта отъ 11 час. до 4 час., кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней

По поводу вопроса о цѣнности обычного права и его изученія.

Продолженіе 1).

Взгляды новой ученой юриспруденціи на значеніе и цѣнность обычного права опредѣляются отчасти ученіемъ исторической школы, отчасти тою отрицательною критикою, которой это ученіе подверглось со стороны Геринга.

Ученіе Савиньи и Пухты о значеніи и достоинствахъ обычного права представляетъ восторженную и принципиальную апологію этого источника права. „Историческая школа правовѣднія нашего вѣка произвела полную революцію (въ пониманіи значенія и цѣны обычного права). Ея ученія бросили новый свѣтъ на существо обычного права. Она неопровержимо доказала непосредственное и основное значеніе обычного права, его творческую силу и несравненную цѣнность“²⁾. Въ самомъ дѣлѣ, по ученію Савиньи и Пухты, существо и оправданіе права вообще коренится въ народномъ духѣ; непосредственное и неискаженное выраженіе и развитіе права про-

является поэтому именно въ непосредственномъ отраженіи этого духа въ дѣйствіяхъ, въ обычаяхъ, между тѣмъ какъ законъ представляетъ косвенное и подчасъ искаженное отраженіе истиннаго права.

Съ иной точки зрѣнія взглянулъ на сравнительную цѣнность закона и обычая Герингъ¹⁾. Обычное право, говоритъ онъ, представляетъ право въ примитивномъ единеніи его съ чувствомъ и нравственностью. Поэтому, чувство становится на защиту обычного права. Съ этой точки зрѣнія естественно порицаніе закона и возбужденіе „въ мечтателяхъ и наивныхъ тоски по праву, которое рождено вмѣстѣ съ нами“ (bei Schwärmern und Urtheilslosen eine Sehnsucht nach dem «Recht, das mit uns geboren» zu erregen). Но именно въ этомъ единеніи права съ чувствомъ и моралью коренится существенный порокъ обычного права—отсутствіе необходимой для права самостоятельности и опредѣленности, недостатокъ до такой степени существенный, „что, можетъ быть, было бы правильнѣе господство обычая противопоставить праву, какъ состояніе тождества права и морали, и назвать его нравами (unter dem Namen der Sitte dem Recht gegenüber zu stellen).

¹⁾ См. № 2, 1898 г.

²⁾ Gierke, Deutsches Privatrecht. I, § 20.

¹⁾ Ihering, Geist des römischen Rechts. II, § 25.

Для того, чтобы убедиться въ неопредѣленности обычнаго права, трудности его констатировать, отличить отъ нравственности и доказать, не нужно обращаться къ отдаленнымъ временамъ исторіи, а достаточно взглянуть на современные случаи дѣйствія и примѣненія обычая.

„Кто по собственному опыту знакомъ съ попытками доказать какую либо специальную норму обычнаго права, тотъ согласится со мною, что при этомъ вездѣ обнаруживается то, что я назвалъ существомъ обычнаго права: неопредѣленность“. Смотря по личности допрашиваемыхъ о существованіи обычнаго права или по личности судьи, доказательство обычной нормы то удается, то не удается.

Замѣна нормы обычнаго права закономъ представляетъ не какое то „грѣхопаденіе“ и „лишеніе рая“, а существенное улучшеніе права, переходъ его къ точной опредѣленности. Отъ внутренней субъективности право переходитъ путемъ официальнаго объявленія къ объективно-внѣшней формѣ, изъ дѣла чувства превращается въ предметъ внѣшняго познанія, счета и измѣренія; въ формѣ закона норма права можетъ всякій познать и доказать.

Этотъ отрицательный взглядъ Геринга на обычное право не остался безъ вліянія на юриспруденцію и даже на законодательство. Комиссія для составленія обще-германскаго гражданскаго уложенія присоединилась къ его теоріи и въ своемъ проектѣ уложенія принципиально отвергла обычное право. § 2 этого проекта гласитъ:

„Обычное право примѣняется лишь въ томъ случаѣ, если законъ ссылается на обычай“.

Это равнялось полному исключенію, потому что требуемой для примѣненія обычной нормы ссылки въ законѣ не было сдѣлано ни въ одной статьѣ проекта уложенія.

Въ мотивахъ составители вполне становятся на „практическую“ точку зрѣнія Геринга.

„Рѣшающія основанія въ пользу этого постановленія (исключенія обычнаго права) имѣютъ исключительно практической характеръ“, говорятъ здѣсь составители ¹⁾. „Поэтому, обсужденіе правно-философскаго вопроса объ основахъ обычнаго права“ они считаютъ лишнимъ. „Можно допускать, что послѣднія основы всего позитивнаго права заключаются въ народномъ правовоззрѣніи, что это народное правовоззрѣніе можетъ порождать право двоякимъ образомъ, „косвеннымъ путемъ, какъ бы посредствомъ делегаций“, путемъ законодательства, и непосредственно, путемъ соблюденія обычая, и все таки придти къ заключенію, что по соображеніямъ цѣлесообразности непосредственное творчество права слѣдуетъ прекратить въ пользу посредственнаго“.

Существенный и необходимый недостатокъ

обычнаго права, сообщаютъ составители словами Геринга, состоитъ въ неопредѣленности, такъ что обычную норму весьма трудно констатировать; ея доказательство то удается, то не удается и т. д.

Вообще, по сообщенію мотивовъ, прежняя теорія исторической школы, возвеличивавшая (Verherrlichung) обычное право, уступила въ новое время мѣсто новому воззрѣнію, по которому „право путемъ перехода отъ обычая къ закону дѣлаетъ существенный шагъ впередъ“ (стр. 5).

Очевидно, комиссія была увѣрена, что точка зрѣнія исторической школы окончательно сдана въ архивъ и что, присоединяясь къ теоріи Геринга, она можетъ рассчитывать на общее одобреніе. Но на дѣлѣ случилось противоположное и отчасти дѣйствительно неожиданное.

Оказалось, что въ лонѣ юриспруденціи ожили преданія исторической школы и даже проявились съ достаточною силою, чтобы вполне уничтожить сопротивление новаго, болѣе „практичнаго“ воззрѣнія.

Какъ и въ области другихъ вопросовъ, во время критики перваго проекта герм. гражд. уложенія и подготовленія втораго, возведеннаго затѣмъ, послѣ незначительныхъ измѣненій, въ законъ, руководящую роль получилъ не романизмъ, наиболѣе пропитанный оппортунизмомъ новой „практической“ и „реалистической“ школы Геринга и лишенный всякаго воодушевляющаго идеала и движущихъ идей и принциповъ, а германизмъ, вообще менѣе подавшійся разлагающему вліянію новыхъ ученій и болѣе вѣрный взглядамъ основателей исторической школы. Въ частности, главою и несомнѣннымъ руководителемъ дѣла критики перваго и подготовленія началъ втораго проекта явился не Герингъ или какой-либо иной романистъ, а воодушевленный и вѣрный ученикъ исторической школы германистъ Gierke.

Каковъ его взглядъ на обычное право, видно уже изъ приведенныхъ выше словъ его о взглядахъ исторической школы на этотъ вопросъ. Въ своей знаменитой критикѣ перваго проекта, установившей лозунги для дальнѣйшей критической работы и опредѣлившей направленіе дальнѣйшихъ стадій кодификаціонной работы, онъ рѣшительно заявилъ, что непризнаніе обычнаго права, даже при отсутствіи другихъ недостатковъ перваго проекта (слѣдованія безжизненному „романистическому шаблону“ съ исключеніемъ національнаго, германскаго права, отсутствія всякаго творчества и т. д.), уже само по себѣ достаточно для того, чтобы сдѣлать проектъ неприемлемымъ. Въ томъ же духѣ высказались и другіе, и вообще оказалось, что непризнаніе обычнаго права въ проектѣ, вмѣсто ожидаемаго одобренія, какъ передовой и единственно практичной точки зрѣнія, было встрѣчено бурю негодо-

¹⁾ Motive zu dem Entw. e. b. GB. I § 2.

ванія, а сданное, повидимому, въ научный архивъ возрѣніе исторической школы ожило съ новой силой и покорило умы юристовъ¹⁾.

Комиссія для составленія проекта второго чтенія, которая вообще усердно слѣдовала указаніямъ и требованіямъ германистовъ, главнымъ образомъ Gierke, конечно, вычеркнула статью перваго проекта, направленную противъ обычнаго права, причемъ положительное рѣшеніе вопроса о примѣненіи обычнаго права предполагалось помѣстить въ подлежащемъ позднѣйшему обсужденію „Вводномъ законѣ“ (Einführungsgesetz) къ уложенію. Однако, впоследствии, при обсужденіи законовъ о введеніи въ дѣйствіе и примѣненіи нормъ новаго уложенія, опять возникли сомнѣнія; первоначальное намѣреніе было оставлено; положеніе о примѣненіи обычнаго права не попало и въ Einführungsgesetz. Мало того, и при пересмотрѣ торговаго уложенія не было принято постановленія въ пользу признанія обычнаго права. Напротивъ, уже содержащаяся въ прежнемъ торговомъ уложеніи статья 1, признававшая значеніе обычая въ области торговаго права, была устранена.

Какъ слѣдуетъ на это смотрѣть съ догматической точки зрѣнія новаго гражданскаго и торговаго права Германіи, слѣдуетъ-ли видѣть въ молчаніи закона объ обычномъ правѣ исключеніе его или же оставленіе вопроса на рѣшеніе юриспруденціи, этотъ вопросъ не входитъ въ нашу тему, относящуюся не къ области догматики германскаго права, а къ области теоріи и политики права.

Съ точки зрѣнія политики права то обстоятельство, что вновь возродившемуся во время критики перваго проекта восторженному отно-

шенію къ обычному праву исторической школы не удалось воплотиться и быть закрѣпленнымъ въ видѣ закона въ новомъ гражданскомъ уложеніи, слѣдуетъ считать успѣхомъ, благоприятнымъ фактомъ.

Соображенія, говоряція въ пользу этого, впрочемъ, не совпадаютъ съ тѣми доводами, которыми составители перваго проекта гражд. уложенія мотивировали свое отрицательное отношеніе къ обычному праву, парафразируя Геринга.

Напротивъ, если бы дѣло шло о сравненіи доводовъ первыхъ корифеевъ и теперешнихъ послѣдователей теоріи исторической школы въ пользу съ доводами Геринга противъ обычнаго права, то мы бы безъ всякаго колебанія дали предпочтеніе первымъ.

Какъ и въ области разныхъ другихъ вопросовъ, правно-философскія возрѣнія прежней юриспруденціи и новыя „исключительно практическія“ соображенія Геринга, такъ сказать, несравнимы и несоизмѣримы по характеру своему, глубинѣ и научному вѣсу, такъ какъ первыя имѣютъ въ виду существо дѣла, указываютъ принципиальное и глубокое рѣшеніе, между тѣмъ какъ возрѣнія Геринга относятся къ области поверхностныхъ соображеній, мелко-практическихъ удобствъ, главнымъ образомъ процессуальнаго свойства.

Если стать на точку зрѣнія процессуальной стороны, желающей выиграть процессъ на основаніи обычнаго права, то дѣйствительно теорія Геринга оказывается вполне правильною. Ссылка на обычай имѣетъ свои важныя неудобства, возникаютъ вопросы доказательства, которое „удается или не удается“. Затрудненія и неудобства возникаютъ также и для судьи, особенно если послѣдній мало знакомъ съ народнымъ бытомъ, на почвѣ котораго возникъ процессъ. Судья и адвокату, пожалуй, легче ориентироваться даже въ темномъ и недоступномъ для не-специалистовъ царствѣ Свода законовъ вмѣстѣ со всѣми тѣми законами, которые, кромѣ того, еще нужно знать, или въ написанномъ по латыни и по гречески Corpus iuris вмѣстѣ съ каноническими и иными измѣненіями и дополненіями юстиціанова свода, нежели судить на основаніи обычнаго права.

Но дѣло представляется уже въ иномъ свѣтѣ, если на него взглянуть тоже съ точки зрѣнія „практики“ и „практичности“, но не той практики права, которой присвоили это названіе юристы, и не той „практичности“, изъ которой обыкновенно исходитъ Герингъ въ своихъ практичныхъ разсужденіяхъ, т. е. съ точки зрѣнія процессуальной практики и практичности, а съ точки зрѣнія истинной юридической практики, народной практики права. Настоящая практика права происходитъ не въ судѣ и осуществляется не судьями и адвокатами, а происходитъ она вездѣ, гдѣ люди вступаютъ

¹⁾ Характерный симптомъ вліянія и силы проявившагося тогда теченія представляютъ, между прочимъ, замѣчанія Эртмана (Grünhut's Zeitschr. XXIII. 1895 г. стр. 142) по поводу моихъ аргументовъ противъ обычнаго права во второмъ томѣ Lehre v. Einkommen, стр. 494, 522, 599. Соглашаясь съ моими послылками, въ частности съ отрицательной оцѣнкой обычнаго права съ экономической и культурной точки зрѣнія, онъ тѣмъ не менѣе не только самъ не дѣлаетъ вытекающаго изъ этихъ посылокъ отрицательнаго вывода относительно желательности признанія обычнаго права со стороны будущаго уложенія, но даже не рѣшается приписать мнѣ такой ереси, какъ защита § 2 перваго проекта, а только указываетъ, что мои замѣчанія „содержатъ даже переходъ къ защитѣ подвергшагося столькимъ нападкамъ“ положенія перваго проекта, что является нарушеніемъ должной мѣры (über das richtige Mass hinauszu-schießen). Недавно появилась брошюра того же автора объ обычномъ правѣ (P. Oertmann, Volksrecht und Gesetzesrecht. 1898), въ которой онъ указываетъ на необходимость ревизіи этого вопроса, исходитъ при этомъ (при указаніи современныхъ неблагоприятныхъ условій образованія и социальнаго значенія обычнаго права, а также культурно-этической роли закона) изъ точекъ зрѣнія, предложенныхъ въ Lehre v. Einkommen, и тѣмъ не менѣе довольно непосредственно объявляетъ въ концѣ цѣнность обычая и закона „принципально равную“.

другъ съ другомъ въ разныя отношенія, и осуществляется всѣмъ народомъ повсемѣстно и ежеминутно. Тотъ малый процентъ или вѣрнѣе, та ничтожная дробь процента правъ и обязанностей, юр. сдѣлокъ и т. п., которая повергается на разсмотрѣніе суда, представляетъ не ту нормальную и вмѣстѣ съ тѣмъ грандіозную практику права, на которой зиждется жизнь и матеріальное и духовное благосостояніе народа, а лишь рѣдкіе, исключительные случаи неудачи практики права, патологическія исключенія изъ юр. практики. Подобно тому какъ неумѣстно было бы назвать практикой пищеваренія или дыханія тѣ исключительные случаи, когда появляется на сцену *medicus* съ касторкой или мѣшками кислорода, и съ точки зрѣнія такихъ явленій строить гигиену питанія или дыханія, точно также неумѣстно рѣшать вопросы о достоинствѣ и „практичности“ отдѣльныхъ институтовъ или даже цѣлыхъ родовъ права, какъ напр., юр. обычаявъ, съ точки зрѣнія того, что юристы называютъ „практикой“, „юр. практикой“ (*Rechtspraxis, Praxis*) и тѣхъ соображеній соотвѣтственнаго типа, которыя составляютъ главный арсеналъ практической мудрости Геринга съ его теоріей „практикабельности“ права и исковъ (*Praktikabilität*).

Съ точки зрѣнія настоящей практики права юр. обычай, конечно, болѣе извѣстенъ и легче констатируется и познается, нежели *Corpus iuris*, Сводъ законовъ или вообще законы, хотя судьи и адвокаты, наоборотъ, знаютъ даже запутанныя *arsana legum* и обыкновенно недостаточно ознакомлены съ народнымъ юр. бытомъ и его обычаями. Это тѣмъ болѣе ясно и несомнѣнно съ точки зрѣнія Геринга, что этотъ ученый отъ законовъ и права юристовъ вовсе не требуетъ доступности для народа, а, напротивъ, въ понятности и познаваемости права только для специалистовъ-легистовъ видитъ осуществленіе „закона раздѣленія труда“ и признакъ прогресса права, точно также какъ въ разрывѣ „примитивной“ связи права съ чувствомъ, нравственностью и т. п.

„Общезвѣстнымъ и общераспространеннымъ фактомъ, говоритъ онъ по этому поводу, представляется то явленіе, что право, достигнувъ извѣстной ступени развитія, все болѣе и болѣе дѣлается недоступнымъ познанію со стороны народной массы и предметомъ спеціальнаго изученія... Въ этомъ процессѣ развитія и въ томъ связанномъ съ нимъ послѣдствіи, что право дѣлается чуждымъ сознанію не-юристовъ, подчасъ усматривали печальное явленіе, а исторія науки и законодательной дѣятельности рассказываетъ о попыткахъ“ предупредить или устранить это явленіе. Но послѣднее „есть не что иное, какъ осуществленіе общаго закона культуры въ области права: закона раздѣленія труда, и, подобно тому какъ бесплодно и без-

смысленно было бы оказывать сопротивление этому закону въ другихъ областяхъ, точно также и здѣсь“¹⁾ и т. д.

О трудности констатированія и неопредѣленности нормъ обычнаго права, если исходить изъ правильно понимаемой практики, можно говорить лишь въ томъ случаѣ если по данному вопросу не установилось опредѣленнаго обычнаго рѣшенія (такое можетъ отсутствовать и въ области законодательства). Но это уже другой вопросъ, къ которому мы возвратимся ниже. Если же есть дѣйствительно на лицо *inveterata consuetudo*, то въ томъ мѣстѣ и тѣмъ людямъ, среди которыхъ укоренилась данная „пошлина“, „старая правда“, --установившійся обычай, конечно, является не чѣмъ то неопредѣленнымъ и неизвѣстнымъ, а весьма извѣстною и несомнѣнною величиною. Гдѣ и поскольку дѣйствительно можетъ быть рѣчь о господствѣ обычнаго права, тамъ замѣчаютъ подчасъ преувеличенная точность и опредѣленность, опредѣленность даже мельчайшихъ подробностей. Вспомнимъ, напр., формы завѣщаній, договоровъ и прочихъ юр. сдѣлокъ частнаго права или публичныхъ актовъ общеправового происхожденія, обычаи цеховъ, мѣстничества и т. п. Мельчайшія формальности и обряды точно установлены и извѣстны, если не дѣтямъ и молодымъ, то во всякомъ случаѣ старикамъ, которые сами точно соблюдаютъ обычаи и охотно сообщаютъ его молодому поколѣнію. Герингъ говоритъ о неопредѣленности примитивнаго права вслѣдствіе господства въ немъ обычая. Но это утвержденіе какъ разъ противоположно исторической истинѣ. Именно древнее право отличается такою опредѣленностью и абсолютною отчужденностью, которая на насъ производитъ впечатлѣніе какой то желѣзной неумолимости, деспотическаго шаблона. Для подтвержденія этого можно сослаться на любой памятникъ, содержащій въ себѣ записанное старинное обычное право. Нормъ съ неопредѣленною гипотезою или диспозиціей, предоставленія на усмотрѣніе, простора для

¹⁾ Geist II, § 37. Это остроумное и оригинальное примѣненіе «закона раздѣленія труда», до коего не додумались тѣ законодатели, которые по необходимости своей пытались писать законы для свѣдѣнія и блага народа, а не для изощренія «юр. техники» легистовъ, объясняется отчасти общимъ воззрѣніемъ автора на право; съ общей точки зрѣнія Геринга на существо права, такое во все не имѣло бы значенія и не существовало бы даже, если бы дѣйствительное право идеально и вполне осуществлялось бы, такъ что не было бы нарушеній, столкновеній и т. п. дѣйствій, требующихъ отраженія, разнманія, защиты, суда, адвоката, и т. п. Суть права въ «защитѣ», поэтому для его существованія и осуществленія необходимы нападенія и посягательства. Теорія права Геринга есть вполне патологическая теорія. Упомянутое выше обсужденіе нормъ права съ точки зрѣнія процессуальныхъ удобствъ соотвѣтствуетъ существу его теоріи.

принятія во вниманіе индивидуальных обстоятельствъ, отдѣльныхъ случаевъ и т. п. тамъ не найдемъ, а вездѣ желѣзный и точный шаблонъ. Изъ современнаго быта вспомнимъ правила карточныхъ игръ, визитовъ, дуэлей, или напр., *mores et inveteratae consuetudines* корпораціи нѣмецкихъ студентовъ; права и обязанности бурша и фукса, правила о костюмахъ, о питьѣ пива по командѣ или безъ команды, даже о держаніи кружки, произнесеніи установленныхъ для разныхъ случаевъ обычныхъ формулъ и т. п. — все это точнѣйшимъ образомъ предопредѣлено, и отступить въ чемъ-либо или обнаружить какое-либо незнаніе или сомнѣніе въ этой области не позорно только для начинающаго стажъ фукса. Знаменитая фраза Геринга, повторяемая составителями перваго проекта герм. уложенія: „неопредѣленность есть типическое свойство большинства нормъ обычнаго права“ показываетъ только, что, утверждая это, авторъ и его послѣдователи не представляютъ себѣ, не имѣютъ въ виду никакой конкретной, исторической области дѣйствительнаго господства обычныхъ нормъ, а разсуждаютъ по ошибочнымъ апріорнымъ представленіямъ¹⁾.

Но допустимъ, что Герингъ и его послѣдователи правы, что въ самомъ дѣлѣ обычному праву, по сравненію съ закономъ, свойственны неопредѣленность и трудность познанія, констатированія и доказательства, такъ что въ этихъ отношеніяхъ законъ лучше нормы обычнаго права.

Способны-ли эти соображенія опровергнуть точку зрѣнія исторической школы на обычное право и замѣнить ее положеніемъ, что освобожденіе отъ господства нормъ обычнаго права и переходъ къ законамъ является дѣйствительнымъ прогрессомъ, улучшеніемъ?

Теорія и аргументація исторической школы движется въ философской глубинѣ основаній проблемы; она исходитъ изъ внутренняго существа права и изъ послѣднихъ основаній цѣнности и достоинства правопорядка. Основа истинной цѣнности права, этического достоинства и святости правопорядка состоитъ въ томъ, что право является отнюдь не суммою произвольно сочиненныхъ къ-либо и навязанныхъ народу приказаній, а проявленіемъ величественной моральной субстанціи — народнаго духа. Развивая и соблюдая право, народъ внемлетъ голосу своей совѣсти и потребностямъ своей духовной разумной природы. Поскольку нормы права являются вѣрнымъ выраженіемъ народнаго духа и его требованій, онѣ дѣйствительно цѣнны, достойны уваженія и на дѣлѣ

пользуются уваженіемъ народа; мало того, лишь постольку онѣ являются истиннымъ правомъ, а не произволомъ и безправіемъ. Такъ какъ народный обычай является непосредственнымъ выраженіемъ народныхъ правовоззрѣній, то обычное право является истиннымъ правомъ по самому существу своему, отвѣчаетъ потребностямъ народа и требованіямъ народнаго духа, измѣняется сообразно съ измѣненіями этихъ требованій, является элементомъ и факторомъ гармоническаго и здороваго, матеріальнаго и духовнаго, развитія. Въ виду того, что законодательство доступно случайнымъ и произвольнымъ влияніямъ и отклоненіямъ отъ требованій народнаго духа, оно не представляетъ достаточной гарантіи здороваго и гармоническаго развитія и т. д.

Совсѣмъ въ иной области происходитъ аргументація Геринга. Она имѣетъ въ виду процессуальную практичность и большія удобства примѣненія закона вслѣдствіе формальнаго превосходства его внѣшняго выраженія. Разумность нормы по существу, ея соотвѣтствіе съ разумными основаніями и основною задачею правопорядка въ кругъ его „исключительно практическихъ соображеній“ не входятъ. Не доходя такимъ образомъ до глубины основъ проблемы, а двигаясь на поверхности мелко-практическихъ соображеній внѣшнихъ удобствъ, его теорія не только не опровергаетъ теоріи исторической школы, но даже съ нею вовсе не сталкивается, не встрѣчается. Онъ, повидимому, только чисто словеснымъ образомъ воюетъ въ своемъ изложеніи съ теоріей исторической школы, критикуетъ ее и замѣняетъ новою точкою зрѣнія. На самомъ же дѣлѣ его удары не только нечувствительны для критикуемой теоріи, но даже не доходятъ до нея. Мысль исторической школы по своей научной глубинѣ недосыгаема для критики Геринга, какъ и въ области многихъ другихъ вопросовъ, въ которыхъ практичнымъ взглядамъ этого писателя удалось достигнуть внѣшняго вида триумфа надъ прежними, болѣе глубокими идеями.

Весьма нагляднымъ и психологически естественнымъ выраженіемъ и подтвержденіемъ такого отношенія теоріи Геринга къ теоріи исторической школы служитъ отношеніе къ этимъ теоріямъ, съ одной стороны, важнаго сторонника теоріи Геринга — комиссіи Союзнаго Совѣта для составленія обще-германскаго гражд. уложенія, съ другой стороны, виднѣйшаго изъ живущихъ еще вѣрныхъ учениковъ исторической школы — Gierke.

Комиссія въ своихъ „мотивахъ“ не беретъ спорить съ теоріей исторической школы, просто предпочитаетъ „философіи права“ „исключительно практическія соображенія“.

Гирке же еще теперь считаетъ возможнымъ заявить (не вступая въ споръ съ аргументаціей Геринга), что историческая школа „неопровержимо доказала непосредственное значеніе обыч-

¹⁾ Для наличности и дѣйствительнаго господства нормъ обычнаго права, конечно, недостаточно ученія юриспруденціи или статьи закона, допускающихъ или даже требующихъ примѣненія нормъ обычнаго права. Объ источникѣ ошибочныхъ апріорныхъ представленій Геринга рѣчь будетъ ниже.

наго права, его творческую силу и несравненную цѣнность“.

Въ такомъ взаимномъ отношеніи этихъ точекъ зрѣнія наглядно выражается ихъ несоизмѣримость, различіе двухъ міросозерцаній, другъ друга не понимающихъ и знать не желающихъ.

Въ этомъ обстоятельстве заключается и психологическое объясненіе того, повидимому, загадочнаго явленія, почему, въ періодъ критики перваго проекта, теорія, о которой составители перваго уложенія могли съ презрительною снисходительностью говорить какъ объ ученіи, уже сданномъ въ научный архивъ и уступившемъ мѣсто болѣе передовой теоріи Геринга, неожиданно воскресла и отомстила за свое униженіе.

Великое и крупное дѣло реформы гражданскаго права на нѣкоторое время прервало умственную и нравственную спячку юриспруденціи, вызвало въ ней нѣкоторый подъемъ духа и способность почувствовать пошлость и неважность разныхъ новыхъ „практичныхъ“ ученій и болѣе высокое этическое и научное достоинство нѣкоторыхъ прежнихъ точекъ зрѣнія. Не новые сознательные аргументы и доказательства способствовали въ это время торжеству Гирке, германизма и разныхъ, казалось, забытыхъ прежнихъ ученій, точно также какъ не научная сила аргументовъ доставила прежде торжество разнымъ весьма „практичнымъ“ теоріямъ Геринга и другихъ, а нѣчто совсѣмъ иное, то, чего нельзя выразить въ видѣ чисто умственныхъ и сознательныхъ формулъ и выводовъ, что является дѣломъ не одной стороны нашей души—разсудка, а общаго настроенія нашего духа.

Дѣятельность головы зависитъ отъ дѣятельности сердца не только въ буквальномъ, матеріальномъ, а и въ переносномъ, духовномъ смыслѣ. Оживленіе сердца увеличиваетъ силу ума, подъемъ нравственныхъ чувствъ, расширяетъ умственный кругозоръ.

Можно съ полною увѣренностью утверждать, что великое слово Императора Николая II къ народамъ о разоруженіи, можетъ быть, пока не послужитъ помѣхой для процвѣтанія тѣхъ фабрикъ, которыя занимаются производствомъ разрушительнаго и смертоноснаго оружія, но оно навѣрно вооружитъ умственное зрѣніе многихъ людей въ самыхъ различныхъ областяхъ дѣятельности и жизни, въ частной, семейной и общественной, въ области техники, литературы, искусствъ и наукъ—такъ, что многіе увидятъ и поймутъ то, чего бы они прежде не поняли; что они выберутъ разумное рѣшеніе и поведеніе вмѣсто неразумнаго; что разныя пошлыя и низменные теоріи и точки зрѣнія не приобретутъ или лишатся нѣкоторыхъ приверженцевъ, или будутъ совсѣмъ отвергнуты; что приобретутъ новыхъ послѣдователей и новую силу или даже впервые увидятъ свѣтъ разныя другія, болѣе глу-

бокія и широкія теоріи и воззрѣнія; ибо всякое просвѣтленіе нравственнаго горизонта и подъемъ чувствъ среди человѣчества неминуемо усиливаетъ и свѣтъ человѣческой мысли.

Лишившись силы и приверженцевъ безъ всякаго новаго опроверженія, а просто въ силу временнаго подъема духа и нѣкотораго просвѣтленія міросозерцанія юриспруденціи, враждебная обычному праву теорія Геринга не только не царствуетъ болѣе въ наукѣ на мѣстѣ прежней теоріи исторической школы, но даже не составляетъ сколько-нибудь замѣтнаго противовѣса этой теоріи. Не только по существу наука можетъ и должна обратиться къ критикѣ взгляда исторической школы, опровергнуть его или развивать эту теорію далѣе, оставляя въ сторонѣ неудачное покушеніе на критику и опроверженіе ея, предпринятое Герингомъ, но и фактически положеніе вопроса о значеніи и цѣнности обычнаго права въ представленіяхъ и ученіяхъ теперешней юриспруденціи таково, что приходится считаться, какъ съ вліятельною теоріей, именно съ теоріей исторической школы.

Къ критикѣ этой теоріи, съ точки зрѣнія современныхъ условій культуры, мы и обращаемся.

Для этой критической цѣли и для установленія положительной теоріи значенія обычнаго права надлежитъ отдѣльно разсмотрѣть:

1) Отношеніе обычнаго права къ духовной жизни народа, въ частности его нравственно-культурное вліяніе.

2) Значеніе обычнаго права для матеріальнаго благосостоянія народа, его социально-экономическое значеніе.

3) При экономической и этической оцѣнкѣ роли обычнаго права мы будемъ, конечно, исходить изъ того предположенія, что обычное право есть на лицо, что для подлежащихъ положительному правовому регулированію матерій въ арсеналѣ народной жизни имѣются обычаи, обладающіе силою права, и притомъ достаточное ихъ количество. Но затѣмъ мы должны обратиться къ вопросу о способности обычнаго права доставлять народу достаточную положительную нормировку, къ вопросу о „производительной силѣ“ обычнаго права.

Дѣло въ томъ, что предоставленіе извѣстной области народной жизни обычно-правовому регулированію (какъ это, напр., имѣетъ мѣсто въ Россіи по отношенію къ громадному большинству народонаселенія, къ крестьянамъ) необходимо предполагаетъ увѣренность въ томъ, что этимъ путемъ существеннѣйшая и первѣйшая обязанность государства по отношенію къ народу—обязанность обезпечить народнымъ массамъ блага положительнаго права будетъ исполнена. Это въ свою очередь предполагаетъ, что въ народныхъ массахъ установилось (или вслѣдъ за предоставленіемъ данной области жизни обычно-правовой

нормировкѣ немедленно установится) достаточное для положительной нормировки количество нормъ обычнаго права. Въ противномъ случаѣ не рѣшена та задача, для которой прежде всего существуетъ государство; тогда не можетъ быть и рѣчи о надлежащемъ исполненіи экономической и культурно-воспитательной функціи со стороны обычнаго права, ибо такого нѣтъ, или же тѣхъ нормъ, которыя есть на лицо, недостаточно для надлежащей правовой нормировки, и постольку вообще отсутствуютъ блага положительнаго права; нѣтъ обеспеченности хозяйственной и иной дѣятельности, нѣтъ вообще прочнаго права, а существуетъ безправіе, произволъ и возникающія отсюда матеріальныя и нематеріальныя народныя бѣдствія, экономической упадокъ, деморализація и т. д. Въ такомъ случаѣ предоставление народной жизни или извѣстной болѣе или менѣе важной области ея обычной нормировкѣ (упущеніе законодательной нормировки) означаетъ роковое заблужденіе, зловредный самообманъ или же преступное неисполненіе первой и основной задачи государства.

Ученіе исторической школы доказываетъ, повидимому, что такое весьма серьезное, въ случаѣ его основательности, опасеніе въ дѣйствительности не можетъ оправдаться. Какъ первые корифеи, такъ и теперешніе выдающіеся послѣдователи исторической школы говорятъ намъ, что это ученіе доказало не только несравненную цѣнность обычнаго права, но и его могучую производительную силу (Schöpfungskraft). Такъ ли это?

Л. Петражицкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Еще о проектахъ вотчинной реформы.

(Возраженіе г. Цитовичу).

I.

Внѣшняя судьба проектовъ вотчинныхъ уставовъ, разработанныхъ и обнародованныхъ шесть лѣтъ тому назадъ, даетъ поводъ для проведенія назидательной параллели между этой законодательною работою и трудами, предшествовавшими общей судебной реформѣ въ Россіи. И тутъ, и тамъ начало дѣлу положено обнародованіемъ основныхъ началъ реформы, въ которыхъ не только указаны всѣ фундаментальныя принципы предполагаемаго преобразования, но довольно подробно намѣченъ весь планъ будущаго строенія во всѣхъ существенныхъ частяхъ. Эти основныя начала, утвержденныя въ законодательномъ порядкѣ, но не предназначенныя стать дѣйствующими закономъ, составляютъ отличительную черту только этихъ двухъ преобразованій. Обнародо-

ваніе ихъ во всеобщее свѣдѣніе задолго до окончательной разработки законопроектовъ не могло имѣть иной цѣли, какъ привлеченіе общественныхъ сферъ къ свободному ихъ обсужденію. Относительно вотчинной реформы сдѣланъ еще дальнѣйшій шагъ: публикѣ предоставлены на обсужденіе окончательно выработанные проекты вотчинныхъ уставовъ, причѣмъ обнародованъ не только текстъ законоположеній, но и систематически составленныя объясненія къ нимъ редакціонной комиссіи Государственнаго Совѣта, на которую возложена была разработка Высочайше утвержденныхъ основаній; между тѣмъ, какъ судебные уставы 1864 были изданы государственною канцеляріей съ изложеніемъ разсужденій, на коихъ основаны, въ видѣ отрывочныхъ извлеченій изъ журналовъ Государственнаго Совѣта, и притомъ лишь послѣ утвержденія этихъ уставовъ въ законодательномъ порядкѣ. *Основныя положенія* судебныхъ уставовъ обнародованы были въ концѣ 1862 года, а ровно два года спустя Высочайше утверждены были всѣ судебные уставы; *главныя же основанія предполагаемаго порядка укрѣпленія правъ на недвижимыя имущества*, удостоившіяся Высочайшаго утвержденія 19 мая 1881 года, остаются до сихъ поръ въ области предположеній, несмотря на то, что разработка ихъ, потребовавшая *двѣнадцати лѣтъ*, закончена уже шесть лѣтъ тому назадъ.

Проведенная выше параллель не только свѣдѣтельствуемъ объ ослабленіи интенсивности законодательнаго творчества, но показываетъ также до какой степени понизилась отзывчивость нашего общества на вопросы, поставленные ему законодателемъ въ такихъ широкихъ размѣрахъ. Возвѣщенная въ 1862 году судебная реформа не только была радостно привѣтствована всею тогдашнею печатью, но вызвала во *всѣхъ* періодическихъ изданіяхъ болѣе или менѣе обширныя статьи посвященныя важнѣйшимъ отдѣламъ уголовного и гражданскаго процесса. На вотчинную же реформу не откликнулись почти вовсе ни общая, ни спеціально-юридическая печать, несмотря на то, что послѣдняя широко развилась сравнительно съ началомъ шестидесятихъ годовъ. Указываемая здѣсь черта общественнаго индифферентизма въ особенности поражаетъ, если сравнить его съ тѣмъ кипучимъ оживленіемъ, которое господствуетъ въ послѣднія десять лѣтъ въ Германіи по поводу предпринятыхъ тамъ, и теперь уже завершенныхъ, законодательныхъ работъ по кодификаціи гражданскаго права. Насчитываютъ *болѣе тысячи* монографій, появившихся въ теченіе трехъ или четырехъ лѣтъ послѣ обнародованія въ 1888 году перваго проекта гражданскаго уложенія Германской Имперіи, и если сравнить этотъ первый проектъ съ текстомъ утвержденного въ 1896 году кодекса, то легко убѣдиться, до какой степени въ наше время

важно взаимодействіе между силами литературы и законодательства.

Быть можетъ, намъ возразятъ, что равнодушіе нашей юридической литературы къ проекту новой регистраціи правъ на недвижимыя имущества служить лишь доказательствомъ несвоевременности этого преобразования и неудачной разработки его въ обнародованныхъ законопроектахъ. На это можно отвѣтить, что мы слишкомъ мало избалованы призывами законодательной власти къ широкому участию въ ея подготовительныхъ работахъ, чтобы апатичное молчаніе могло быть истолковано въ смыслъ принципиальнаго осужденія. Если нашъ юридическій міръ имѣлъ что сказать, хотя бы въ смыслъ огульнаго отрицанія, то онъ не только могъ, но и долженъ былъ отозваться *мотивированною* критикой. И даже въ томъ случаѣ, если среди нашихъ юристовъ имѣется немного лицъ, специально занимавшихся такъ называемымъ „ипотечнымъ правомъ“, не имѣющимъ въ Россіи никакого историческаго прошлаго,—обильный матеріалъ для обсужденія и для критики данъ былъ въ самыхъ законопроектахъ, объяснительныя записки къ которымъ, помимо ихъ практической важности по вопросамъ о примѣненіи новой системы къ дѣйствительной жизни, заключаютъ въ себѣ почти полный курсъ теоріи указаннаго права.

II.

Насколько мнѣ извѣстно, статья г. Цитовича въ первомъ номерѣ „Права“ за 1899 годъ можетъ быть принята, какъ первый опытъ принципиальнаго обсужденія вотчинной реформы. Именно поэтому невозможно обойти молчаніемъ высказанное имъ отрицательное мнѣніе о реформѣ вообще, тѣмъ болѣе, что оно подкрѣпляется принадлежащимъ ему по праву ученымъ авторитетомъ.

Въ критикѣ г. Цитовича обращаетъ на себя прежде всего вниманіе то, что у него приведена масса цитатъ изъ *объясненій* къ статьямъ проектовъ; но не указано ни одной статьи изъ самыхъ законопроектовъ. Мнѣ кажется, что, критикуя обширный законопроектъ, можно направить свои возраженія или противъ его основныхъ началъ, или противъ отдѣльныхъ его положеній; въ первомъ случаѣ необходимо указать статьи, относящіяся до основныхъ принциповъ, во второмъ—текстъ критикуемаго отдѣльнаго положенія. Задача автора облегчалась тѣмъ, что онъ ограничивался критикой перваго рода, для этого онъ могъ довольствоваться Высочайше утвержденными *главными основаніями*. Но отрицая реформу въ принципѣ, едва-ли умѣстно было основываться на отдѣльныхъ мѣстахъ изъ *объясненій* редакціонной комиссіи, безъ всякой связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ, и на нихъ строить огульные выводы о реформѣ вообще.

Далѣе авторъ совершенно игнорируетъ

или забываетъ, что критикуемые имъ проекты относятся всецѣло къ области гражданскаго права, нормируя исключительно, съ матеріальной и формальной стороны, юридическія правоотношенія, и отнюдь не вторгаясь и ничего не устанавливая въ области *общественныхъ* условій экономическаго свойства. Между тѣмъ, даже трактуя о залоговомъ правѣ, нормируемомъ проектами, авторъ очень мало интересуется чисто-правовою стороною дѣла и разсуждаетъ всего болѣе о земельномъ кредитѣ въ смыслѣ социально-экономическаго явленія и о результатахъ дѣятельности существующихъ у насъ государственныхъ, общественныхныхъ и частныхъ кредитныхъ учреждений. Необходимо поэтому прежде всего устранить заблужденіе, порожаемое такого рода превратнымъ пониманіемъ цѣли и значенія вотчинной реформы.

III.

Проектируемая реформа и шире, и уже тѣхъ рамокъ, которыя ставить для нея авторъ, разсуждая объ ней исключительно съ точки зрѣнія законодательной нормировки ипотечнаго кредита. Ипотечный кредитъ составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ отдѣловъ въ разбираемыхъ законопроектахъ, но въ нихъ нѣтъ и не можетъ быть ни малѣйшей попытки нормировки кредита, какъ фактора социально-экономическаго оборота, коего органами служатъ государственный и частныя кредитныя учрежденія. Это до такой степени вѣрно, что противъ проектовъ предъявленъ весьма вѣскій упрекъ въ томъ, что они не приняли вовсе въ расчетъ особенностей банковскаго залога при установленіи мѣръ понудительнаго взысканія банковъ. Съ другой стороны, содержаніе разбираемыхъ законопроектовъ далеко не исчерпывается залоговымъ правомъ на недвижимыя имущества, и въ этомъ отношеніи критика автора оказывается слишкомъ узкою. Ибо онъ постоянно говоритъ объ „ипотечной системѣ“, умалчивая о томъ, что реформа имѣетъ своимъ предметомъ „порядокъ укрѣпленія правъ на недвижимыя имущества“ въ обширномъ смыслѣ слова. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ общепринятая теперь система регистраціи правъ на недвижимое имущество слагалась исторически и постепенно, зачатками для нея вездѣ служилъ институтъ римскаго права о залогѣ недвижимости, именуемый „ипотекой“. Для установленія такого залога и охраненія его старшинства прежде всего потребовалась публичная записъ. Вотъ почему названіе „ипотечная система“ сохранилось и послѣ того, какъ эти публичныя записи развились въ болѣе или менѣе полный и стройный порядокъ регистраціи всѣхъ правъ, связанныхъ съ землей. Въ Пруссіи, гдѣ этотъ порядокъ введенъ еще при Фридрихѣ Великомъ, и разработанъ лучше и полнѣе, нежели во всѣхъ прочихъ странахъ,

указанный неточный терминъ давно замѣненъ болѣе соответствующимъ названіемъ *Grundbuchordnung*, указывающимъ на публичную запись, какъ на основной принципъ этого порядка. Усвоенный редакціонною комиссіею древне-русскій терминъ не менѣе удачно характеризуетъ другую основную черту вновь создаваемого порядка, обнимающаго область права болѣе обширную той, за предѣлы которой никакъ не желаетъ переступить авторъ, а именно всѣ *вотчинныя* права.

IV.

Свое *delendam esse Carthaginem* авторъ подкрѣпляетъ цѣлымъ рядомъ противоположеній. Насколько этотъ тезисъ разрушителенъ для стѣнъ Карфагена, я рассмотрю ниже. Теперь же остановлюсь на рассмотрѣніи этихъ противоположеній.

Авторъ именуетъ кредитъ подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ, оказываемый банками, *публичнымъ* ипотечнымъ кредитомъ, противопоставляя ему кредитъ, оказываемый частными людьми, въ формѣ закладныхъ. Съ точки зрѣнія экономической и финансовой, кредитныя операціи банковъ конечно отличаются отъ займовъ у частныхъ лицъ, и для финансовыхъ статистическихъ и иныхъ выводовъ по этому предмету важно различать одинъ видъ кредита отъ другого. Но со стороны юридической, которая одна имѣетъ значеніе въ данномъ случаѣ, мы не видимъ этого отличія, и въ особенности не усматриваемъ никакого противоположенія между ними по существу правоотношеній, которыя въ томъ и другомъ случаѣ залогъ недвижимости устанавливаетъ между залогодателемъ и залогопринимателемъ. Если же анализировать юридическое понятіе кредита въ обширномъ смыслѣ этого слова, то существенное различіе можно найти на сторонѣ *должника*, но не на сторонѣ кредитора.

При современномъ развитіи государственнаго и общественнаго строя, къ займу прибѣгаютъ не только частныя лица, коихъ правовое бытіе нормируется *jure civili*, но и государство и входящія въ составъ онаго общественныя организаціи, существующія и функционирующія *jure publico*. Вступая въ сдѣлки по займу, публичныя учрежденія подчиняются, правда, частно-правовымъ нормамъ, становясь субъектами гражданскихъ правоотношеній. Но этимъ нисколько еще не оправдывается антитеза публичнаго и частнаго *ипотечнаго* права. Учрежденія публичныя бываютъ должниками, *но не бываютъ залогодателями*; они не обезпечиваютъ залогомъ своихъ долговъ не только потому, что это несогласно съ ихъ достоинствомъ, но и потому, что частно-правовыя нормы понудительнаго взысканія къ нимъ непримѣнимы.

Другое противоположеніе автора заключается въ слѣдующемъ. Онъ говоритъ: „Основаніе бан-

ковскаго кредита—не индивидуальная ипотека, а *весь* (курсивъ въ подлинникѣ) ипотечный и другой активъ банковъ; его орудіе и форма—не частная закладная, а особая ипотечная бумага (закладной листъ, облигаціи)“. На основаніи выписанныхъ здѣсь словъ несвѣдущій въ этомъ дѣлѣ читатель могъ бы заключить, что закладные листы выпускаются въ обращеніе не банкомъ-кредиторомъ, а должникомъ-залогодателемъ. То-же можно заключить и изъ дальнѣйшаго указанія автора на то, что цѣна закладныхъ листовъ основана „на отмѣткахъ биржевого бюллетеня, а не на личныхъ обстоятельствахъ участниковъ отдѣльной сдѣлки“.

Сравненіе, проводимое авторомъ между залогопринимателемъ—банкомъ и владельцемъ частной закладной, совсѣмъ однако не приводитъ къ выписанному выше противоположенію между ними. Не мало на свѣтѣ частныхъ людей, занимающихся небезвыгоднымъ промысломъ отдачи денегъ займа подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ и оперирующихъ для этого не только собственными капиталами, но и деньгами, взятыми заемъ подъ векселя. Сходность этихъ векселей и размѣръ учетнаго на нихъ процента, то есть разница между суммой долга по векселю и цѣной, предлагаемой за него дисконтеромъ, будетъ зависѣть непосредственно отъ состоятельности векселедателя, но не отъ „личныхъ обстоятельствъ“ должниковъ послѣдняго, даже не отъ стоимости принятыхъ имъ въ залогъ имуществъ. Совершенно такъ же биржевая цѣнность закладныхъ листовъ, то есть уменьшеніе ихъ продажной цѣны сравнительно съ ихъ номинальною стоимостью, зависить непосредственно не отъ общей стоимости принятыхъ банкомъ въ залогъ имуществъ, а отъ размѣра его складочнаго и запаснаго капитала и отъ общей успѣшности его операцій. Но такъ какъ и банкъ, и частный капиталистъ, помѣщающій свои деньги въ закладныхъ, могутъ рассчитывать на вѣрную прибыль, лишь оперируя осторожно и постоянно заботясь о вѣрной оцѣнкѣ принимаемыхъ въ залогъ имуществъ, то между банкомъ и частнымъ капиталистомъ оказывается полная аналогія и въ отношеніи условій, косвенно вліяющихъ на ихъ собственный кредитъ, т. е. на ихъ экономическое положеніе, *какъ заемщиковъ*, но отнюдь не какъ кредиторовъ. Между банкомъ и частнымъ залогодержателемъ есть разница *въ формѣ* установленія залоговыхъ правъ: для банка они устанавливаются въ силу факта полученія ссуды, а для частнаго лица требуется совершеніе крѣпостнаго акта. Но этою формальною стороною все различіе и исчерпывается, по существу же и тутъ, и тамъ предметомъ залога служитъ индивидуально обособленная недвижимость, обезпечивающая отдѣльно выданную денежную ссуду.

Закладные листы никакого юридическаго

отношения не устанавливаются между держателями их и заемщиками банка, и даже в случае несостоятельности банка к оплате листов они не могли бы служить „основанием“ для иска против заемщиков банка в их совокупности или отдѣльно.

V.

Однако возражающему не принадлежит выборъ позиции. Авторъ критикуетъ реформу, оставаясь на почвѣ политико-экономическимъ, а не юридическимъ соображеніемъ. Посмотримъ поэтому, насколько авторъ доказалъ непригодность проектированной реформы, противопоставивъ ей историческій обзоръ судьбы ипотечнаго кредита въ Россіи. По этому поводу мнѣ остается немного сказать, ибо самый обзоръ не отличается полнотой и онъ для насъ все-таки лишь настолько интересенъ, насколько имъ подкрѣпляется центральный и единственный тезисъ автора.

„Больше и полнѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ другой странѣ, въ современной Россіи преобладаетъ и господствуетъ ипотечный публичный (то есть банковскій) кредитъ“. Далѣе: „Ипотечный кредитъ уже устроенъ въ Россіи, устроенъ достаточно удовлетворительно, болѣе удовлетворительно чѣмъ въ другихъ странахъ, между прочимъ и въ тѣхъ, гдѣ дѣйствуетъ ипотечная система“. Еще далѣе: „Та дѣтская куртка индивидуальной ипотеки (разумѣй проектъ вотчинной реформы), какую въ течение 30 лѣтъ по различнымъ фасонамъ шили, пороли и наконецъ сшили въ 1896 г., совсѣмъ не подходитъ ни къ росту, ни къ формамъ ипотечнаго кредита современной Россіи“. Наконецъ послѣдняя цитата: „Русскій ипотечный кредитъ сразу принялъ высшую, организованную форму—форму публичнаго кредита, перескочивши черезъ низшую форму индивидуальной ипотеки, форму частнаго кредита, не потерявшую своего значенія, между прочимъ, и въ Германіи“.

Вкратцѣ выраженная мысль г. Цитовича сводится такимъ образомъ къ тому, что вотчинный порядокъ регистраціи правъ на недвижимыя имущества есть юридическая форма, подобающая лишь низшей стадіи развитія ипотечнаго кредита, дѣтская куртка, не соответствующая могучимъ и возмужалымъ размерамъ, которые принялъ этотъ кредитъ въ Россіи.

Все дальнѣйшее въ аргументаціи автора есть не что иное какъ развитіе вышеприведенныхъ главныхъ его положеній. Тщетною однако будетъ попытка найти въ этихъ дальнѣйшихъ разсужденіяхъ хотя бы тѣнь отвѣта на вопросы, которые вызываютъ главныя положенія и неотступно требуютъ отвѣта, а именно:

1) Изъ чего слѣдуетъ, что вотчинная регистрація, хотя бы только залоговыхъ правъ на недвижимость, должна имѣть своимъ по-

слѣдствіемъ задержаніе развитія банковскаго земельного кредита, упорно именуемаго авторомъ публичнымъ кредитомъ?

2) Откуда видно, что вотчинная регистрація болѣе благоприятна для земельного кредита въ формѣ залога у частныхъ лицъ, или того, что авторъ столь же упорно именуется индивидуальной ипотекой?

3) Стоитъ-ли вотчинная реформа вообще въ столь тѣсной причинной связи съ земельнымъ кредитомъ, чтобы ее можно было признать тормазомъ для одной изъ формъ этого кредита и поощряющимъ факторомъ для другой?

Отвѣтивъ на послѣдній и важнѣйшій изъ этихъ вопросовъ, мы дадимъ отвѣтъ и на остальные. Авторъ и самъ пытается убѣдить читателя, что вотчинная система предназначена для того, чтобы служить дѣлу развитія земельного кредита, и притомъ въ формѣ частной закладной; но такая задача едва-ли выполнима.

Чтобы придать хоть какую нибудь убѣдительность такому парадоксу автору нужно было бы по крайней мѣрѣ показать, въ чемъ состоятъ тѣ особенности вотчинной регистраціи залоговыхъ правъ, которыя препятствуютъ развитію залоговыхъ операцій банковъ. вмѣсто того авторъ ограничивается параллелью между Россіей и Германіей, утверждая, будто бы банковскій кредитъ въ Германіи „былъ задержанъ“ въ своемъ развитіи въ то самое время, когда онъ въ Россіи широко развивался; а такъ какъ въ Германіи вотчинная система существуетъ, а у насъ нѣтъ, то ей и приписывается въ одномъ случаѣ вся заслуга, а въ другомъ—вся вина. *Post hoc ergo propter hoc!* Не говоря уже объ ошибочности такого вывода, мы позволяемъ себѣ усомниться въ фактической вѣрности указаній г. Цитовича на примѣръ Германіи.

Ссылка на бывшій въ 1869 году „острый кризисъ въ ипотечномъ кредитѣ“ Германіи и на вызванную этимъ кризисомъ брошюру Родбертуса не даетъ ни малѣйшей опоры заключенію о томъ, что кризисъ этотъ, или, говоря точнѣе, нужда землевладѣнія въ кредитъ, вслѣдствіе отсутствія свободныхъ капиталовъ,—что этотъ давно минувшій кризисъ находился въ какой бы то ни было, хотя косвенной, связи съ вотчинною системой, которая къ тому времени уже имѣла въ Пруссіи почти столѣтнее прошлое. Но для дѣйствительнаго сравненія между Россіей и Германіей по предмету развитія банковскаго ипотечнаго кредита умѣстно было сослаться на положеніе вещей, *предшествовавшее* этому тридцатилѣтію? Въ Германіи тогда былъ кризисъ, т. е. явленіе временное и преходящее, а въ Россіи еще не было въ то время ни одного частнаго банка земельного кредита! Какой же можетъ тутъ быть поводъ для сравненія хода *развитія* этого кредита? Не лучше-ли было обратиться къ статистическимъ даннымъ за дѣйствительно сравниваемъ-

мые періоды времени? Въ этомъ отношеніи мынаходимъ у г. Цитовича цифру закладныхъ листовъ, выпущенныхъ русскими ипотечными банками къ концу 1898 года; она простирается до двухъ миллиардовъ рублей. Мы же дополнимъ пробѣлъ, воупущенный авторомъ относительно Германіи, и укажемъ и для нея точныя цифры: въ Пруссіи число выпущенныхъ закладныхъ листовъ къ концу 1897 года простиралось до 2,183 миллионновъ марокъ, а въ остальной Германіи до 2,110 миллионновъ марокъ, а всего до четырехъ миллиардовъ двухъ сотъ девяносто трехъ миллионновъ. Такимъ образомъ ипотечный банковскій кредитъ въ Германіи превосходитъ нынѣ тотъ же кредитъ въ Россіи не пропорціонально, а абсолютно такъ какъ территория Европейской Россіи далеко превосходитъ территорию Германіи.

Къ чему, послѣ указанныхъ цифръ, сводится аргументація г. Цитовича, подкрѣпляемая ссылкой на кризисъ 1869 г. и основанная на сравненіи могучаго развитія ипотечнаго кредита въ Россіи сравнительно съ Германіей, и во что въ особенности превращается голословной утверженіе его, будто бы Россія достигли этого результата благодаря тому, что она были свободна отъ „куртки“ вотчинной регистраціи залоговыхъ правъ, а Германія носить ее вотъ уже больше столѣтія? ¹⁾

¹⁾ Впрочемъ, если бы аргументъ автора, основанный на сравненіи общей суммы закладныхъ листовъ, находящихся въ обращеніи въ обѣихъ странахъ, былъ самъ по себѣ вѣренъ, то отъ этого все таки еще очень было бы далеко до конечнаго заключенія о томъ, что вотчинная регистрація въ той формѣ, какъ она существуетъ издавна въ Германіи, служила помѣхой развитію ипотечнаго кредита. Причинная связь между тѣмъ и другимъ явленіемъ авторомъ ничѣмъ рѣшительно не доказана. Но если и не требовать отъ него такого подтвержденія, для котораго понадобилась бы слишкомъ далекая экскурсія въ гражданскій кодексъ Фридриха Великаго, регулирующий дѣйствующій до сихъ поръ въ Пруссіи порядокъ вотчинной регистраціи, если говорю, и не ставить автору столь строгаго требованія, то все таки можно было ожидать, что для округленія своего чисто-эмпирическаго довода онъ покажетъ, почему именно русскому ипотечному кредиту въ прокъ пошло *отсутствіе* „германской куртки“. Мы вотъ уже 40 лѣтъ затѣваемъ нѣчто въ родъ этого заграничнаго костюма; но если онъ нуженъ, то совѣмъ не для прикрытія наготы. Собственный костюмъ имѣется, и кто возражаетъ противъ замѣны его платьемъ иностраннаго покроя, вслѣдствіе его негодности долженъ, по крайнѣ мѣрѣ, доказать, въ чемъ заключается преимущество нашего самодѣльнаго фасона. Чѣмъ же именно двоякій способъ совершенія закладныхъ, существующій у насъ въ теченіе послѣднихъ 30 лѣтъ,—способъ, установленный въ положеніи о нотаріальной части,—вліяетъ такъ успѣшно на развитіе банковскаго кредита за этотъ періодъ времени? Фактическихъ указаній по этому предмету, либо теоретическихъ сравненій между заимствованнымъ отъ Германіи проектомъ и нотаріальнымъ положеніемъ, мы не находимъ у автора ни малѣйшаго слѣда. Съ своей же стороны мы сильно сомнѣваемся, чтобы существующій у насъ порядокъ регистраціи вотчинныхъ и залоговыхъ правъ выигралъ отъ такого сравненія въ теоретическомъ смѣслѣ. Что же касается показаній опыта, особливо по

VI.

Намъ остается разобрать другое утверженіе г. Цитовича: будто вотчинная система регистраціи залоговаго права благоприятствуетъ „индивидуальной ипотека“, т. е. частной закладной, въ ущербъ „публичному кредиту“, т. е. банковскому залогу.

Въ вотчинной системѣ онъ усматриваетъ слѣдующія, по мнѣнію его, ей одной свойственныя черты: а) устраненіе *залоговаго риска*; б) *старшинство* и в) *безвозвратность*. Эти именно черты, по мнѣнію г. Цитовича, особенно благоприятны для частной ипотеки и служатъ помѣхой ипотека банковской; другихъ по крайнѣ мѣрѣ указаний, подкрѣпляющихъ это мнѣніе автора, мы во всей его статьѣ не находимъ.

Едва-ли мы скажемъ что-нибудь неожиданное для юриста, утверждая прежде всего, что указанные три особенности вовсе не составляютъ исключительнаго свойства вотчинной регистраціи залоговаго права на недвижимое имущество, но присущи послѣдней настолько же, насколько она есть установленная закономъ форма, въ которую предоставляется, или обязательно предписывается, обличье существующее или вновь возникающее право. Законная форма взаимнаго правоваго соглашенія ставитъ это соглашеніе подъ охрану судебной власти, создавая возможность и точныя предѣлы къ понудительному исполненію онаго. Этимъ *устраняется рискъ* неисполненія неоформленнаго права со стороны обязавшагося. При столкновеніи нѣсколькихъ правъ противъ одного и того же лица, или на одно и то же имущество,

предмету кистлего и юридической доступности банковскаго кредита, то я позволю себѣ сослаться здѣсь на безспорный для всѣхъ насъ авторитетъ К. Д. Кавелина. Почти 30 лѣтъ тому назадъ Кавелинъ хлопоталъ о полученіи ссуды подъ залогъ своего имѣнія изъ общества взаимнаго поземельнаго кредита; объ этомъ нѣсколько разъ упоминается въ его письмахъ къ его другу К. К. Гроту, напечатанныхъ въ январской книжкѣ „Русской Старины“ за 1899 годъ. И вотъ что мы читаемъ въ письмѣ отъ 20 сентября 1872 года:

„Повѣрите-ли, что я просилъ о ссудѣ въ ноябрѣ (1871 года), а получилъ лишь прошлый вторникъ, т. е. третьяго дня (18 сентября 1872 г.). Повѣрите-ли, что простѣйшая изъ простѣйшихъ вещей—*снятіе запрещенія* съ имѣнія по свидѣтельству, по которому не было сдѣлано займа и которое возвращено въ гражданскую палату въ 1855 году, длилось съ апрѣля по августъ, да и то надо было жаловаться на окружный судъ въ судебную палату, тратиться и проклинать новые суды и порядки, поразительно похожіе на старые“.

Залоговое свидѣтельство, возвращенное за ненадобностью, оказывается препятствіемъ къ залогу по новому свидѣтельству черезъ *семнадцать лѣтъ* и порождаетъ пререканіе, проходящее три инстанціи! Все это возможно и *очень часто* бываетъ и теперь. Не знаемъ, насколько такіе порядки могли способствовать развитію кредитныхъ операцій банковъ. Но смѣетъ увѣрить, что при вотчинной регистраціи устраненіе указаннаго Кавелинымъ препятствія не потребовало бы и семнадцати часовъ.

преимущество всегда принадлежит праву ранѣе возникшему. Отсюда начало *старшинства*. Если право по содержанию своему направлено на неодушевленный предметъ и не связано съ чѣмъ-либо обязательнымъ дѣйствіемъ, то форма, въ которую оно облекается по закону, имѣетъ своею цѣлью придать такому праву абсолютный характеръ и возможность защищать оное противъ всякаго „ветупщика“. Отсюда начало *безповоротности*.

Вотчинная система регистраціи правъ на недвижимыя имущества есть не что иное, какъ усовершенствованный способъ оформленія *вспѣхъ* правъ на опредѣленную недвижимость и сосредоточенія такой внѣшней санкціи этихъ правъ въ одномъ, публично оберегаемомъ, совокупномъ актѣ (вотчинной книгѣ).

Отсюда ясно, что выдвинутыя г. Цитовичемъ особенности вотчинной системы совсѣмъ не принадлежатъ ей исключительно, и составляя общую принадлежность всякаго права, поставляемаго подъ охрану понудительной власти, не могутъ быть обсуждаемы какъ новые, дотошъ небывалые атрибуты матеріальныхъ правъ.

Если это такъ, то само собою ясно, что вотчинная регистрація залоговаго права на опредѣленное имущество служитъ одинаково драгоценною гарантіею для залогодержателя, будетъ-ли то банкъ или частное лицо. Пока авторъ не укажетъ, почему банкъ менѣе заинтересованъ въ томъ, чтобы его залоговое право было въ точности и своевременно записано въ вотчинную книгу и чтобы оно, въ силу этой записи, пользовалось принадлежащимъ ему старшинствомъ и безповоротностью, мы съ своей стороны будемъ утверждать, что его попытка ниспровергнуть существующую пока мѣсть лишь въ проектѣ вотчинную систему ничѣмъ не обоснована.

На этомъ я покончу свое возраженіе г. Цитовичу и прибавлю лишь нѣсколько словъ *pro domo sua*. Я возражаю г. Цитовичу на этихъ столбцахъ не какъ прямой отвѣтчикъ, а въ качествѣ третьяго лица. Роль принципиальнаго защитника проектовъ вотчинной регистраціи мнѣ приходится принять на себя не въ первый разъ; но каждый разъ роль эта была для меня самого совершенно неожиданностью и не къ ней я готовился, изучая проекты вотчинныхъ уставовъ. Въ особенности относительно специальныхъ интересовъ русскаго ипотечнаго кредита я могъ бы скорѣе быть союзникомъ, нежели противникомъ г. Цитовича, если бы онъ направилъ свою критику противъ тѣхъ частей проектовъ, которыя непосредственно относятся до банковскаго залога. Въ этомъ отношеніи мнѣ первому пришлось разобрать проекты, и въ особенности *положеніе о взысканіяхъ*. По этому предмету я считаю весь порядокъ, проектированный редакціоною комиссіею, абсолютно

непригоднымъ и невыполнимымъ. Я имѣю въ виду ознакомить нашу юридическую публику съ выработанными мною по этому предмету возраженіями.

Въ этихъ возраженіяхъ я не ограничился однако отрицательною критикою, но указалъ въ точности, со ссылками на отдѣльныя статьи въ ихъ текстуальной редакціи, какія измѣненія возможны и необходимы, дабы вотчинная реформа не подорвала въ самой его основѣ дѣло банковскаго ипотечнаго кредита, а напротивъ — предоставила и банкамъ тѣ огромныя улучшения, которыя вотчинная система сулитъ нашему гражданско-правовому обороту вообще.

М. Гольденвейзеръ.

Обозрѣніе практики гр. касс. департамента Пр. Сената за 1897 г.

Находка.

Едва ли могутъ быть какія-либо сомнѣнія относительно совершенной неудовлетворительности статей т. X, нормирующихъ институтъ находки. Незнакомый съ этимъ вопросомъ юристъ, даже и съ помощью оглавленія къ X тому, съ трудомъ найдетъ въ немъ статьи о находкѣ: онѣ помѣщены въ главѣ о правѣ собственности неполномъ, въ отдѣлѣ „объ отдѣльномъ пользованіи движимымъ имуществомъ“, хотя едва ли возможно объяснить, что общаго между этимъ пользованіемъ и находкою, или составляющею способъ пріобрѣтенія права собственности, или дающею право на вознагражденіе лица, нашедшаго вещь. Но и найдя эти статьи (537 ст.), юристъ едва ли почувствуетъ облегченіе, до того не удовлетворительно содержаніе этихъ статей. Если далѣе принять во вниманіе, что институтъ находки и вообще является больше институтомъ полицейскаго, чѣмъ гражданскаго права, что тутъ въ самомъ существѣ отношеній довольно трудно раскрыть какія-либо общія руководящія начала, которыя могли бы выполнить пробѣлы закона, то будутъ вполне понятны тѣ трудности, съ которыми приходится бороться нашимъ судамъ, при разрѣшеніи споровъ, возникающихъ въ случаяхъ находокъ. Въ такомъ именно безспорно затруднительномъ положеніи находился Правительствующій Сенатъ, разрѣшавъ вопросъ о правахъ лица, нашедшаго вещь, забытую пассажиромъ въ вагонѣ желѣзной дороги (№ 16).

Въ статьяхъ закона, регулирующихъ вопросъ о находкѣ, нѣтъ никакого указанія на то, что мѣсто, гдѣ найдена вещь, является не безразличной съ точки зрѣнія вопроса о правахъ лица, ее нашедшаго. Но несомнѣнно, однако, что не всегда находка можетъ создавать какія-либо права для лица нашедшаго. Въ этомъ направленіи понятіе находки было ограничено Правительствующимъ Сенатомъ, который, исходя изъ требованія закона, чтобы

хозяинъ найденной вещи былъ неизвѣстенъ лицу нашедшему, разъяснилъ совершенно правильно, что находка, какъ обрѣтеніе потерянной къмъ-либо вещи, съ правомъ получить за сіе вознагражденіе, не можетъ имѣть мѣсто въ томъ случаѣ, когда вещь затеряна въ домѣ хозяина или въ занимаемомъ имъ помѣщеніи (1869 г. № 562, 1873 г. № 1670).

Рядомъ съ этимъ положеніемъ, которое можетъ быть признано основаннымъ на ст. 538, Правительствующей Сенатъ установилъ, опираясь все на ту же статью, что для понятія находки необходимо, чтобы обрѣтенецъ имѣло мѣсто тогда, когда законный владѣлецъ *считаетъ вещь окончательно потерянною и не имѣетъ возможности возстановить свое право* (1883 г. № 83).

Мы однако думаемъ, что самое внимательное изученіе ст. 538 не можетъ объяснить, какимъ образомъ на основаніи этой статьи могъ быть сдѣланъ такого рода выводъ. Къ тому же этотъ признакъ находки, не вытекающій изъ текста статьи, и по существу не можетъ быть признанъ правильнымъ: онъ основанъ одновременно на субъективномъ (мнѣніе собственника о томъ, что вещь окончательно потеряна) и объективномъ моментахъ (невозможность возстановить свое право), другъ друга далеко не всегда покрывающихъ. Такой способъ опредѣленія не можетъ быть признанъ удачнымъ. Субъективный элементъ едва ли тутъ можетъ имѣть какое-либо значеніе, не говоря о томъ, что онъ даетъ критерій, почти недоступный судебной провѣркѣ, что онъ ничего не разъясняетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда хозяинъ вовсе не думаетъ о потерянной имъ вещи. Что же касается объективнаго критерія, то и онъ отличается совершенною неопредѣленностью, ничего въ сущности не выясняя. Въ самомъ дѣлѣ, какіе признаки необходимы для установленія невозможности возстановленія своего права? До тѣхъ поръ пока вещь объективно не исчезла, нельзя исключить возможности возстановить свои права на утраченную вещь. Между тѣмъ, именно это свое опредѣленіе Правительствующей Сенатъ кладетъ въ основу рѣшенія по вопросу о правахъ на вещь, найденную въ вагонѣ желѣзной дороги, видоизмѣнивъ его применительно къ новымъ фактическимъ обстоятельствамъ. Пр. Сенатъ утверждаетъ теперь, что для примѣненія правилъ о находкѣ, необходимо, чтобы „вещь была потеряна собственникомъ такимъ образомъ, чтобы онъ не имѣлъ никакихъ свѣдѣній о томъ, къ кому онъ долженъ обратиться для полученія своей вещи обратно“. Отсюда дѣлается выводъ, что въ вагонѣ желѣзной дороги не можетъ быть находки. Это видоизмѣненное опредѣленіе понятія находки прямо противорѣчитъ точкѣ зрѣнія нашего закона. Именно, въ прим. 3-мъ къ ст. 539 предусматривается возможность находки „на кораблѣ во время морского путе-

шествія“. Несомнѣнно, что въ случаѣ такой потери на кораблѣ „собственникъ... имѣетъ свѣдѣнія о томъ, къ кому долженъ обратиться для полученія своей вещи обратно“, отнюдь не въ меньшей,—мы даже думаемъ, въ большей степени, чѣмъ пассажиръ, потерявшій вещь въ вагонѣ желѣзной дороги. Но и не говори уже о томъ, что опредѣленіе понятія находки, даваемое Правительствующимъ Сенатомъ въ рѣшеніи № 16, никакъ не можетъ быть согласовано съ прим. 3 и ст. 539-ой, оно и независимо отъ того должно быть признано неудачнымъ, какъ не дающее сколько нибудь точныхъ критеріевъ.

Если болѣе внимательно отнестись къ выставленному Правит. Сенатомъ требованію для наличности находки, то окажется, что или требованіе идетъ значительно далѣе имѣвшейся въ виду цѣли, или вовсе ея не достигаетъ. Въ самомъ дѣлѣ, что означаетъ требованіе, чтобы потерявшій вещь „не имѣлъ *никакихъ* свѣдѣній о томъ, къ кому долженъ обратиться для полученія своей вещи обратно“. Потерявшій вещь всегда знаетъ, куда ему нужно обратиться для разысканія вещи, если онъ въ точности не знаетъ, у кого она находится, а именно: въ этомъ случаѣ, согласно ст. 538 т. X, онъ долженъ обратиться въ полицію. Далѣе, обыкновенно потерявшій вещь приблизительно знаетъ, если не гдѣ, то тотъ промежутокъ времени, въ теченіе котораго вещь была имъ потеряна, а потому можетъ сообразить, въ какомъ мѣстѣ вещь могла быть имъ потеряна. Слѣдовательно, относительно потерявшаго никогда нельзя утверждать, что „онъ не имѣетъ *никакихъ* свѣдѣній о томъ, къ кому долженъ обратиться для полученія своей вещи обратно“. Въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ случай, повидимому, наиболѣе подходящій съ точки зрѣнія возможности потерять вещь, именно путешествіе. Примѣняя буквально опредѣленіе, даваемое Прав. Сенатомъ, мы придемъ къ выводу, что очень трудно потерять вещь во время путешествія. Припомнимъ, когда въ послѣдній разъ онъ имѣлъ въ своихъ рукахъ вещь, путешественникъ можетъ опредѣлить тѣ мѣста, въ которыхъ онъ перебивалъ съ этого времени, и такимъ образомъ онъ имѣетъ нѣкоторые свѣдѣнія о томъ, къ кому онъ долженъ обратиться по поводу пропавшей вещи: во всѣ гостиницы, въ которыхъ онъ останавливался, въ полицейскія управленія, въ желѣзнодорожныя управленія дорогъ, по которымъ проѣзжалъ, къ кондукторамъ вагоновъ, носильщикамъ, выносившимъ вещи, и т. д. Очевидно, что такъ широко нельзя толковать опредѣленіе Сената: однихъ свѣдѣній о томъ, къ кому обратиться въ поискахъ за вещью, недостаточно для того, чтобы считать вещь не потерянной. Если однако это опредѣленіе Сената понимать въ томъ смыслѣ, что необходимо знать, у кого именно находится потерянная хозяиномъ вещь, то такого знанія

никогда не будет у потерявшего вещь, какъ въ случаѣ, подлежавшемъ разсмотрѣнію Пр. Сената, отнюдь нельзя утверждать и въ рѣшеніи не указывается на то, что это установлено судебной палатой, будто бы хозяинъ вещи зналъ, у кого находится его вещь. Вещь могла быть забыта и не въ вагонѣ, а на извозчикѣ, у носильщика и т. д.

Такимъ образомъ, хозяинъ вещи во всякомъ случаѣ не могъ знать, гдѣ и у кого находится потерянная имъ вещь. И если само по себѣ требованіе, чтобы потерявшій вещь не имѣлъ никакихъ свѣдѣній о томъ, къ кому онъ долженъ обратиться за полученіемъ ея, въ сущности не даетъ никакого критерія для рѣшенія вопроса о томъ, имѣется-ли въ данномъ случаѣ находка, то дальнѣйшее разъясненіе Правительствующаго Сената, нисколько не подкрѣпляя необходимости такого требованія, свидѣтельствуется лишь, въ какой мѣрѣ чувствуется недостаточность выставленнаго Правительствующимъ Сенатомъ ограниченія понятія находки. Именно, разъясняя, что законы о находкѣ „очевидно, не могутъ быть примѣняемы къ предметамъ, оставленнымъ или забытымъ пассажирами при переѣздахъ по желѣзнымъ дорогамъ“, Правительствующій Сенатъ указываетъ на то, что такія вещи „не могутъ считаться вполне (?) утерянными уже потому, что за всякою оставленною на станціи или въ вагонѣ вещью, въ силу установленныхъ министерствомъ путей сообщенія правилъ, обязаны наблюдать служащіе на желѣзныхъ дорогахъ“... Но вѣдь такая обязанность несомнѣнно возлагается на полицію относительно всѣхъ вещей, находящихся на улицѣ; такая же обязанность несомнѣнно лежитъ на путевыхъ сторожахъ, которые не только обязаны, но и фактически болѣе тщательно слѣдятъ за полотномъ дороги, чѣмъ кондуктора за вагонами, особенно на длинныхъ переѣздахъ, гдѣ и желѣзнодорожная бригада и пассажиры по нѣсколько разъ мѣняются въ теченіе одного переѣзда.

Въ итогѣ нашего разбора тѣхъ ограниченій понятія находки, которыя пытался установить Правительствующій Сенатъ въ рѣшеніяхъ № 83 за 1883 г. и № 16 за 1877 г., мы приходимъ къ выводу, что всѣ они представляются неудачными. Мы думаемъ притомъ, что неудача эта не случайная, она не есть результатъ недостаточно внимательнаго или недостаточно умѣлаго анализа постановленій нашего закона. Нѣтъ, мы думаемъ, что и всѣ дальнѣйшія попытки точно также должны окончиться неудачей, а эти новыя попытки неизбежны, такъ какъ при новой комбинаціи фактическихъ условій окажется недостаточнымъ уже сдѣланный Сенатомъ ограниченій, разсчитанныхъ всецѣло на конкретныя особенности отдѣльныхъ дѣлъ. Ошибка заключается не въ томъ или другомъ опредѣленіи, а въ неправомерной постановкѣ самаго вопроса. Нашъ

законъ не знаетъ иныхъ ограниченій понятія находки, кромѣ требованія неизвѣстности собственника найденной вещи. Отсюда естественно, конечно, сдѣлать тѣ дѣйствительно сдѣланные Правительствующимъ Сенатомъ дальнѣйшіе выводы, что не можетъ быть предметомъ находки вещь, потерянная на глазахъ нашедшаго ее (1876 г. № 45), въ домѣ или даже въ стѣнахъ дома (1869 № 562, 1335; 1873 № 1670), такъ какъ лицо нашедшее, если въ точности не знаетъ, то во всякомъ случаѣ должно презумировать, кто собственникъ этой вещи. Устанавливать дальнѣйшія ограниченія невозможно, такъ какъ они не находятъ, съ одной стороны, никакой опоры въ законѣ, а съ другой не могутъ быть выведены изъ самаго существа понятія находки.

Въ самомъ дѣлѣ, мы нисколько не сомнѣваемся въ томъ, что въ обыденномъ смыслѣ слова можемъ что либо найти въ театрѣ, концертномъ залѣ, вагонѣ желѣзной дороги, на пароходѣ. Надо точно въ законѣ указать, при какихъ условіяхъ найденная вещь не можетъ составлять предмета находки; безъ такого указанія невозможно устанавливать какія-либо ограниченія, такъ какъ они будутъ вытекать исключительно изъ взглядовъ судьи на то, умѣстны ли, справедливо ли допустить въ данномъ случаѣ вознагражденіе за находку, или нѣтъ. Положеніе нашихъ судовъ при этомъ тѣмъ болѣе тяжелое, что несомнѣнно размѣръ вознагражденія, установленный нашимъ закономъ, за немногими исключениями, является несправедливо высокимъ, именно третья часть находки (ст. 539), между тѣмъ какъ иностранныя законодательства или вовсе не устанавливаютъ никакого вознагражденія за находку (такъ—французское право), или же сравнительно небольшое: такъ, итальянское уложеніе (ст. 718) назначаетъ 5 или 10 процентовъ, германское уложеніе (ст. 971) представляетъ находчику право на вознагражденіе съ первыхъ трехсотъ марокъ стоимости вещи по 5 со ста, а съ дальнѣйшей суммы по одной маркѣ со ста. Въ сравненіи съ такимъ размѣромъ вознагражденія, которое установлено нашимъ закономъ, представляется дѣйствительно чрезмѣрнымъ и несправедливымъ, но борьба съ этой несправедливостью возможна только законодательнымъ путемъ. Точно также намъ представляется совершенно естественнымъ взглядъ, въ силу котораго слѣдовало бы исключить возможность полученія вознагражденія за находку въ вагонѣ желѣзной дороги, но опять-таки это исключеніе отнюдь не вытекаетъ изъ понятія находки, какъ ее понимаетъ нашъ законъ или жизнь,—исключеніе это должно быть особо оговорено закономъ. И дѣйствительно, въ германскомъ уложеніи мы находимъ особое постановленіе, въ силу котораго тотъ, „кто возьметъ вещь, найденную имъ въ помѣщеніи присутственнаго мѣста или въ конторѣ, или другомъ, открытомъ для общественнаго пользованія по-

мѣщеніи перевозочнаго учрежденія, или въ принадлежащемъ имъ подвижномъ составѣ, тотъ обязанъ немедленно передать эту вещь присутственному мѣсту или перевозочному учрежденію, или служащему въ нихъ лицу“. Едва-ли возможно поставить въ упрекъ германскому гражданскому уложенію, что въ немъ находятся постановленія совершенно излишнія, сами собою подразумѣвающіяся. И если германское уложеніе считаетъ необходимымъ особо оговорить, что правила о находкахъ не могутъ примѣняться къ случаямъ, когда вещь остается пассажиромъ въ вагонѣ желѣзной дороги, то только потому, что само по себѣ это не вытекаетъ изъ понятія находки.

Имѣютъ-ли уѣздные члены окружнаго суда право отсрочивать исполненіе своихъ, вошедшихъ въ законную силу, приговоровъ и въ какихъ именно случаяхъ?

Вопросъ этотъ до сего времени еще ни разу не восходилъ на разсмотрѣніе Правительствующаго Сената и не получилъ такимъ образомъ своего окончательнаго компетентнаго разрѣшенія, а жизнь между тѣмъ успѣла уже внести въ практику уѣздныхъ членовъ суда два противоположныя разрѣшенія этого вопроса.

Общее правило, выраженное въ 957 ст. уст. угол. суд., состоитъ, какъ извѣстно, въ томъ, что судебный приговоръ обращается къ исполненію *немедленно* по вступленіи его въ законную силу. Приостановка же немедленнаго исполненія приговора, какъ изъятіе, допускается только въ случаяхъ, положительно въ законѣ указанныхъ, а именно (ст. 959 уст. угол. суд.): 1) въ случаѣ болѣзни осужденнаго, препятствующей исполненію надъ нимъ личнаго наказанія, оно отлагается до его выздоровленія; 2) исполненіе наказаній надъ женщинами беременными или недавно разрѣшившимися отъ бремени отлагается до истеченія сорока дней послѣ родовъ; 3) приговоренныя късылкѣ женщины, питающія грудью младенцевъ, не ссылаются до окончанія полугодоваго срока отъ рожденія младенца, если сами не будутъ просить о скорѣйшемъ ихъ отпращиваніи; 4) когда окажется необходимымъ замѣнить назначенное въ приговорѣ наказаніе другимъ, ему соответствующимъ, то впредь до учиненія этой замѣны исполненіе приговора приостанавливается; 5) если осужденный обвиняется въ новомъ преступленіи, подвергающемъ наказанію болѣе тяжкому, нежели то, къ которому онъ приговоренъ, то о семъ новомъ преступленіи производится особое изслѣдованіе, а исполненіе постановленнаго приговора отлагается; 6) въ случаѣ побѣга осужденнаго, исполненіе приговора о личномъ наказаніи отлагается до его

поймки, но вознагражденіе за вредъ и убытки, причиненные преступленіемъ, и вообще денежные взысканія обращаются безотлагательно на его имущество.

Этимъ исчерпываются всѣ случаи, въ коихъ уставомъ уголовного судопроизводства разрѣшается приостановка исполненія приговоровъ какъ общихъ, такъ и мировыхъ судебныхъ установленій; но затѣмъ въ Высочайше утвержденныхъ 20 декабря 1889 года правилахъ о производствѣ судебныхъ дѣлъ, подвѣдомственныхъ земскимъ начальникамъ и городскимъ судьямъ, имѣется статья 247, подлинный текстъ которой гласитъ такъ: „изъ правила о немедленномъ исполненіи приговора допускаются изъятія, указанные въ статьѣ 959 устава уголовного судопроизводства. Сверхъ того земскому начальнику, городскому судѣ и уѣздному члену окружнаго суда предоставляется право, въ случаѣ присужденія обвиненнаго къ лишенію свободы, отсрочить, въ виду особо уважительныхъ причинъ (семейныхъ и хозяйственныхъ обстоятельствъ и т. п.), исполненіе приговора до минованія обстоятельствъ, служащихъ основаніемъ къ отсрочкѣ, съ доведеніемъ о каждомъ изъ такихъ случаевъ до свѣдѣнія уѣзднаго съѣзда“.

Такимъ образомъ означенная статья закона въ значительной мѣрѣ расширила случаи возможной отсрочки исполненія вошедшихъ въ законную силу приговоровъ и тутъ-то возникаетъ вопросъ, имѣетъ-ли уѣздный членъ суда право по дѣламъ своей подсудности пользоваться упомянутой 247 статьѣй, или же права его въ этомъ отношеніи, наравнѣ съ общими и мировыми судебными установленіями, ограничиваются 959 статьѣй уст. угол. судопр.?

Статья 247, какъ помѣщенная въ правилахъ о производствѣ судебныхъ дѣлъ, подвѣдомственныхъ земскимъ начальникамъ и городскимъ судьямъ, имѣетъ примѣненіе только къ дѣламъ, подсуднымъ означеннымъ должностнымъ лицамъ; если же въ текствѣ этой статьи, сверхъ земскихъ начальниковъ и городскихъ судей, названы и уѣздные члены окружнаго суда, то это, въ силу 246 статьи тѣхъ же правилъ, безъ сомнѣнія, касается приговоровъ, постановленныхъ въ апелляціонномъ порядкѣ уѣздными съѣздами и приводящихся въ исполненіе уѣздными членами окружнаго суда. Правильность такого взгляда доказывается тѣмъ, что примѣненіе 247 статьи, какъ видно изъ ея текста, поставлено подъ непосредственный контроль уѣздныхъ съѣздовъ, тогда какъ вся единоличная дѣятельность уѣздныхъ членовъ, и въ апелляціонномъ порядкѣ и въ порядкѣ надзора, находится по закону подъ контролемъ окружныхъ судовъ, при которыхъ они состоятъ. При такихъ условіяхъ примѣненіе 247 статьи уѣздными членами окружнаго суда по дѣламъ ихъ собственной подсудности является безспорно—превышеніемъ власти.

Однимъ изъ главныхъ мотивовъ примѣненія означенной статьи нѣкоторыми уѣздными членами выставляется ея особенная гуманность. Дѣйствительно, если посадить земледѣльца въ тюрьму на 6 мѣсяцевъ въ апрѣлѣ или маѣ, то онъ не успѣетъ убрать своего посѣва, а это грозитъ голодомъ и ему самому, и его семьѣ. Все это, конечно, такъ; и надо думать, что, создавая 247 статью, законодатель именно имѣлъ въ виду эти соображенія гуманности, но тѣмъ не менѣе онъ установилъ примѣнять эти льготы только къ дѣламъ самымъ маловажнымъ, подсуднымъ земскому начальнику и городскому судѣ, а потому распространять дѣйствіе этого, хотя и очень гуманнаго, закона на дѣла высшей подсудности не представляется возможнымъ.

Можетъ быть, жизнь и требуетъ расширить дѣйствіе гуманнаго закона, но для этого необходимо прежде всего новое законодательное распоряженіе, а пока этого нѣтъ, не мѣшаетъ помнить, что 338 ст. уложенія о наказаніяхъ называетъ превышеніемъ власти—если должностное лицо приметъ такую мѣру, которая не иначе можетъ быть принята, какъ на основаніи новаго закона.

Вл. Шлезингеръ.

Θ. П. ИВКОВЪ.

(Некрологъ).

Скончавшійся въ Москвѣ, въ ночь подъ 1 января 1899 года сенаторъ Федоръ Помпеевичъ Ивковъ принадлежалъ къ числу почтенныхъ судебныхъ дѣятелей. Формулярныя данныя о службѣ покойнаго свидѣлствуютъ, что онъ родился въ 1845 году, окончилъ курсъ въ Императорскомъ училищѣ правовѣдѣній въ 1866 году и затѣмъ послѣдовательно проходилъ судебную службу въ качествѣ младшаго и старшаго помощника секретаря IV департамента Правительствующаго Сената, секретаря и старшаго секретаря того же департамента, товарища предсѣдателя виленской соединенной палаты уголовного и гражданского суда (1872 г.), члена орловскаго окружнаго суда (1876), предсѣдателя подольской соединенной палаты (1878), члена кievской судебной палаты (1880), предсѣдателя каменецъ-подольскаго (1881), виленскаго (1883) и московскаго (1891) окружныхъ судовъ и предсѣдателя департамента московской судебной палаты (1897). Съ послѣдней должности Θ. П., за короткое время предъ своею внезапною кончиною, былъ назначенъ сенаторомъ по гражданскому кассационному департаменту. Личныя качества покойнаго какъ нельзя болѣе гармонировали съ его положеніемъ гражданского судьи и предсѣдателя. Трудолюбіе, знаніе законовъ и большая судебная опытность сочетались въ немъ съ широкимъ взглядомъ на вещи, самостоятельностью сужденія и замѣчательнымъ спокойствіемъ характера. Неутомимое вниманіе одинаково проявлялось имъ какъ въ судебномъ залѣ, такъ и въ канцеляріи и предсѣдательскомъ кабинетѣ и сопровождалось вдумчивостью при разрѣше-

ніи дѣлъ и ходатайствъ. Въ своихъ личныхъ отношеніяхъ ко всемъ, соприкасавшимся съ нимъ по службѣ и по дѣламъ, покойный Θ. П. выказывалъ ту особую выдержанность, которая, такъ возвышая высшій престижъ судьи, не мѣшала однако чувствовать скрытую подъ ея оболочкою большую сердечность. Дружеская бесѣда въ кругу знакомыхъ или за товарищескою трапезою обнаруживала въ покойномъ также недоуменный ораторскій талантъ, для развитія котораго роль гражданскаго судьи не открывала, конечно, особеннаго простора. Искренности и горячая преданность началамъ новаго суда была присуща покойному и знавшіе его имѣютъ полное основаніе думать, что въ лицѣ Θ. П. русское правосудіе понесло утрату тѣмъ болѣе чувствительную, что внезапная смерть, поразившая его на 54-мъ году жизни, была вмѣстѣ съ тѣмъ и преждевременною.

Сергій Муромцевъ.

СУДЕБНЫЕ ОТЧЕТЫ.

Деспособность глухонемыхъ.

Вопросъ этотъ былъ поставленъ на разрѣшеніе гражданскаго кассационнаго департамента Правительствующаго Сената, по департаменту, по дѣлу Александра Кузнецова и Михаила Арцыбашева съ Егоромъ, Гавриломъ и Анной Подвинцевыми, приобрѣвшему огромную извѣстность по исключительной цѣнѣ иска (13½ милліоновъ рублей). Обстоятельства этого дѣла заключаются въ слѣдующемъ: въ 1875 г. скончался екатеринбургскій купецъ Филиппъ Подвинцевъ, оставивъ, по духовному завѣщанію, все свое имущество,—среди котораго находилось и право въ приискахъ Оренбургскаго казачьяго войска своей женѣ Прасковѣ Гавриловнѣ. Послѣдняя представила это завѣщаніе для засвидѣтельствованія,—по старому, крѣпостному порядку, въ Оренбургскую палату уголовного и гражданского суда, для засвидѣтельствованія. Прасковья Подвинцева умерла въ 1877 г., оставивъ въ свою очередь духовное завѣщаніе, по которому завѣщала все свое имущество какъ лично ей принадлежащее, такъ и перешедшее къ ней отъ мужа, семи лицамъ, въ томъ числѣ родному брату Алексѣю и сыну его Александру Кузнецову. Наслѣдствомъ Прасковьи Подвинцевой фактически завладѣли Егоръ, Гавриилъ и Анна Подвинцевы, не утвердившись вовсе въ правахъ наследства. Между тѣмъ, наследники по завѣщанію стали предъявлять къ Подвинцевымъ иски о соотвѣствующихъ доляхъ наследства. Таковъ былъ искъ Петра и Ивана Абрамовыхъ о $\frac{2}{7}$ изъ наследства Прасковьи Подвинцевой,—отчѣненныхъ ими въ 200 т. р., въ которомъ истцамъ было отказано за пропускомъ давностнаго срока. За отъазомъ Абрамовымъ, единственными претендентами на это наследство могли быть только Кузнецовы, отецъ и сынъ. За смертью отца, Александръ Кузнецовъ имѣлъ право на $\frac{2}{7}$ наследства. Глухонѣмой отъ рожденія, Кузнецовъ воспитывался въ Арнольдскомъ училищѣ для глухонѣмыхъ дѣтей въ Москвѣ. 6 марта 1885 г. у публичнаго нотариуса была заключена мировая сдѣлка, по которой Александръ Кузнецовъ отказывается отъ всего могущаго открыться послѣ Прасковьи Подвинцевой имущества за 10 т. р. Затѣмъ, однако, онъ, на основаніи договоровъ отъ 11 декабря 1891 года и отъ 5 июня 1892 года, уступаетъ половину своего наследства in spe нѣкому дворянину Михаилу Арцыбашеву, котораго уполномочиваетъ довѣренностью на веденіе своего наследственнаго дѣла. Передъ тѣмъ, какъ начать искъ о милліонномъ наследствѣ, Кузнецова подвергаютъ освидѣтельствованію въ особомъ присутствіи, которое

признает его неспособным, и надъ нимъ, въ то время 32-хъ-лѣтнимъ мужчиной, учреждается попечительство. 23 июля 1892 г. Арцыбашевъ лично за себя и отъ имени Александра Кузнецова предъявилъ въ Оренбургской палатѣ уголовнаго и гражданскаго суда искъ, оцѣненный имъ въ 13½ милліоновъ, къ Егору, Гаврилу и Аннѣ Подвинцевымъ, 1) о засвидѣтельствованіи духовныхъ завѣщаній Филиппа и Прасковьи Подвинцевыхъ, 2) объ уничтоженіи мировой сдѣлки отъ 6 марта 1885 г. какъ заключенной, въ обходъ закона, съ лицомъ неспособнымъ, 3) изъ требованія доходовъ отъ захваченныхъ отвѣтчиками присковъ. Искъ же свой истцы основываютъ на томъ, что Кузнецовъ въ 2/7 является наслѣдникомъ по завѣщанію Прасковьи Подвинцевой, въ остальныхъ же 5/7—наслѣдникомъ по закону къ тому же имуществу, такъ какъ Подвинцевы потеряли срокъ на утверженіе въ правахъ наслѣдства по завѣщанію, за истеченіемъ давности. На Александра же Кузнецова не можетъ распространяться эта давность, такъ какъ, согласно 2 ст. прил. къ 694 ст. т. X ч. 1, для него, какъ глухонѣмого отъ рожденія, теченіе давности началось лишь со времени его освидѣтельствованія и назначенія надъ нимъ попечительства, что произошло лишь 9 декабря 1891 г. Въ дополнительныхъ затѣмъ прошеніяхъ сумма иска уменьшена до 4,638 т. р.

Дѣло началось производствомъ въ Оренбургской палатѣ уголовнаго и гражданскаго суда, а затѣмъ, съ введеніемъ новыхъ суд. учреждений въ восточныхъ губерніяхъ, поступило въ Троицкій окружный судъ. Судъ отказалъ въ искѣ, между прочимъ, потому что изъ сопоставленія 386 и 76 ст. прилож. къ 708 ст. X т. ч. 1, слѣдуетъ, что освидѣтельствованіе глухонѣмыхъ не является требованіемъ на столько безусловнымъ, чтобы достигшія совершеннолѣтія глухонѣмой не могъ быть признаваемъ правоспособнымъ и при отсутствіи акта освидѣльствованія. Умственное развитіе глухонѣмыхъ и сознательное выраженіе ими своей воли можетъ быть установлено обстоятельствомъ ихъ жизни, а по обстоятельствамъ дѣла Кузнецовъ долженъ быть признанъ умственно вполне развитымъ и потому къ нему должны относиться общіе сроки исковой давности, которые давно пропущены.

Съ этими соображеніями суда согласилась и Саратовская суд. палата, куда перешло дѣло. На рѣшеніе палаты принесена была Кузнецовымъ и Арцыбашевымъ кассационная жалоба, отъ которой Кузнецовъ до слушанія дѣла отказался. Въ засѣданіи поддерживали кассационную жалобу Арцыбашевъ и повѣренный его, пр. повѣренный О. Н. Плевако. Со стороны Подвинцевыхъ выступилъ пр. пов. В. Н. Герардъ. Докладывалъ дѣло сенаторъ Студенцовъ, заключеніе давалъ товарищ оберъ-прокурора Пушкинъ. Департаментъ поставилъ на разрѣшеніе вопросъ о правоспособности глухонѣмыхъ отъ рожденія и приостановленіи по отношенію къ нимъ до момента освидѣльствованія въ установленномъ порядкѣ теченія давности.

О. Н. Плевако доказывалъ, что глухонѣмой презумируется неспособнымъ по свойствамъ физической своей природы, которая отчасти указываетъ и на известную психическую ненормальность. Истолкованіе закона (381 ст. X т. ч. 1) въ такомъ смыслѣ будетъ соответствовать и мысли законодателя, который имѣлъ въ виду оградить интересы глухонѣмого. Всякій человѣкъ, вступающій въ отношенія съ глухонѣмымъ, видитъ его физическія недостатки и, естественно, долженъ узнавать, призналъ ли его контрагентъ, по особому освидѣльствованію правоспособнымъ.

Только послѣ надлежащаго освидѣльствованія и признанія за нимъ способности управлять имуществомъ глухонѣмой становится правоспособнымъ субъектомъ; до этого онъ находится подъ опекой или попечительствомъ. Отсюда ясно, что и теченіе давности

для глухонѣмыхъ, какъ и для малолѣтнихъ, приостанавливается на все время до освидѣльствованія ихъ.

Г. Арцыбашевъ доказывалъ, что право на искъ у Кузнецова,—а слѣдовательно и у него, какъ правопреемника Кузнецова въ ¼ доль, не потеряно, если даже не стать на точку зрѣнія палаты по вопросу о правоспособности глухонѣмыхъ. Кузнецовъ, какъ родной племянникъ П. Подвинцевой, является законнымъ ея наслѣдникомъ съ того времени, какъ завѣщательныя распоряженія ея относительно известныхъ частей ея имущества потеряли силу. Такъ какъ эти распоряженія потеряли силу лишь черезъ 10 лѣтъ, то право иска Кузнецова, какъ наслѣдника по закону, могло возникнуть лишь въ 1885 г. и, слѣдовательно, искъ, предъявленный въ 1892 году, не можетъ быть признанъ погашеннымъ давностью.

Взглядъ палаты поддерживали въ своихъ объясненіяхъ прис. пов. В. Н. Герардъ и товарищ оберъ-прокурора А. Е. Пушкинъ, давшій заключеніе объ оставленіи кассационной жалобы безъ послѣдствій.

Правительствующій Сенатъ опредѣлилъ: кассационную жалобу дворянина Михаила Арцыбашева оставить безъ послѣдствій, а Александра Кузнецова, на основаніи 4 ст. уст. гр. суд., безъ разсмотрѣнія.

Хроника

Министерство юстиціи внесло въ Государственный Совѣтъ представленіе объ измѣненіи прим. 2 къ 1105 ст. уст. гр. суд. Какъ известно, согласно этому примѣчанію, въ особое присутствіе судебной палаты, въ случаѣ невозможности для губ. предводителя дворянства присутствовать въ засѣданіяхъ, приглашается уѣздный предводитель дворянства, а въ губерніяхъ Вятской, Пермской и нѣкоторыхъ уѣздахъ Вологодской — предсѣдатели мѣстныхъ губернской или уѣздной земскихъ управъ. Нынѣ предположено распространить послѣднее правило на всѣ тѣ губерніи или уѣзды, въ коихъ вообще не учреждено должности предводителя дворянства или не имѣется уѣзднаго предводителя; въ мѣстностяхъ, въ коихъ не введены земскія учрежденія, въ такихъ случаяхъ въ составъ присутствія долженъ войти предсѣдатель мѣстнаго уѣзднаго съѣзда.

Недавно окончила свои занятія образованная при С.-Петербургскомъ юридическомъ обществѣ комиссія для разсмотрѣнія проекта „о повѣренныхъ по судебнымъ дѣламъ“. Въ составѣ комиссіи, состоявшей подъ предсѣдательствомъ сенатора І. И. Каржицкаго, входили: К. К. Арсеньевъ, Л. В. Барсовъ, М. М. Винаверъ, Л. В. Гантоверъ, В. М. Гессель, С. О. Костровицкій, П. В. Макалинскій, Н. А. Полежаевъ, Г. Б. Слюзбергъ, С. С. Соколовъ, В. Д. Спасовичъ, А. Н. Турчаниновъ, Е. Г. Шайкевичъ, Н. И. Цухановъ и П. А. Юреневъ.

Комиссія имѣла 9 засѣданій, въ коихъ разсмотрѣны были, по опредѣленной впередъ системѣ, замѣчанія членовъ на проектъ о повѣренныхъ по судебнымъ дѣламъ. Принятая комиссіею замѣчанія рѣшено было изложить въ видѣ журнала и представить таковой на

дальнѣйшее усмотрѣніе совѣта юридическаго общества. Изложеніе журнала принялъ на себя членъ комиссіи М. М. Винаверъ, составившій также на основаніи измѣненій, предложенныхъ комиссіею, новый проектъ о повѣренныхъ по судебнымъ дѣламъ. Проектъ этотъ приложенъ къ журналу комиссіи. Замѣчанія комиссіи коснулись всѣхъ основныхъ вопросовъ организаціи адвокатуры: о совмѣстимости занятія адвокатурою съ государственною службою и профессурою (ст. 2 и 3 проекта), о допущеніи лицъ нехристіанскихъ исповѣданій въ адвокатуру (ст. 4), о порядкѣ открытія совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ (ст. 8) и отдѣленій оныхъ (ст. 19), о дисциплинарныхъ взысканіяхъ (ст. 29—31), о протестахъ прокурора на опредѣленія совѣта по предмету принятія въ число присяжныхъ повѣренныхъ (ст. 45), о надзорѣ за совѣтами присяжныхъ повѣренныхъ (ст. 54—58), о приобрѣтеніи повѣренными правъ ихъ вѣрителей (ст. 69), объ опредѣленіи гонорара на случай выигрыша (ст. 75), объ участіи совѣта въ опредѣленіи размѣра гонорара (ст. 76), о таксѣ (прил. къ ст. 77), о достаточномъ числѣ присяжныхъ повѣренныхъ (ст. 81), о допущеніи женщинъ въ частную адвокатуру (ст. 406⁴² уchr. суд. уст.), о помощникахъ присяжныхъ повѣренныхъ (ст. 85—103) и мн. др. Въ концѣ журнала приведены особо замѣчанія редакціоннаго свойства.

Журналъ комиссіи вмѣстѣ съ приложениями представленъ совѣтомъ юридическаго общества въ министерство юстиціи¹⁾.

По словамъ газетъ, при главномъ штабѣ въ настоящее время учреждена комиссія для пересмотра существующаго законодательства о поединкахъ между лицами военнаго званія.

По проекту измѣненнаго земскаго положенія 12 іюня 1890 г. для Архангельской губерніи, въ составъ губернскаго земскаго собранія входятъ нижеслѣдующіе лица:

1) Гласные, избираемые въ количествѣ 21 чело-вѣка уѣздными избирательными собраніями изъ лицъ, владѣющихъ недвижимымъ имуществомъ въ городахъ и уѣздахъ, оцѣненныхъ для взиманія земскаго сбора не ниже 1000 р., а въ городѣ Архангельскѣ—5000 р. 2) Гласные отъ сельскихъ обществъ въ числѣ 20 чело-вѣкъ, избираемые въ общемъ порядкѣ, указанномъ въ земскомъ положеніи. 3) Взамѣнъ предводителей дворянства и предсѣдателей уѣздныхъ съѣздовъ—чиновники по крестьянскимъ дѣламъ, по одному отъ каждаго уѣзда, по назначенію губернатора, и 4) мѣстные управляющій государственными имуществомъ, директоръ народныхъ училищъ, губернской врачебной инспекторъ и представитель отъ уѣднаго вѣдомства, и, наконецъ, депутатъ отъ духовнаго вѣдомства и Архангельскій городской голова.

Что же касается до предсѣдательства въ губернскомъ земскомъ собраніи, то таковое, въ виду отсутствія въ Архангельской губерніи дворянскихъ учреждений, имѣть быть возлагаемо на особое лицо по назначенію Государя Императора.

¹⁾ Первые два листа журнала приложены къ № 1 „Вѣстника Права“.

Нѣкоторыми изъ городскихъ управленій было возбуждено ходатайство о разрѣшеніи думамъ взимать въ доходы городовъ сборы съ торговыхъ документовъ на торговля и промышленныя предпріятія, находящіяся въ уѣздахъ. Такого рода ходатайства министерствомъ внутреннихъ дѣлъ признаны не подлежащими удовлетворенію, такъ какъ, на основаніи п. 2. ст. III Высочайше утвержденнаго 8 іюня 1898 г. мѣнія Государственнаго Совѣта, городскіе сборы взимаются только съ тѣхъ промысловыхъ свидѣтельствъ, которыя выбраны на предпріятія, находящіяся въ предѣлахъ городскихъ поселеній.

При введеніи земскихъ учреждений въ Архангельской губерніи имѣется въ виду предоставить губернскому земскому собранію право возлагать предварительное разсмотрѣніе подлежащихъ его вѣдѣнію дѣлъ на особая мѣстныя совѣщанія, образуемая изъ губернскихъ по данному уѣзду гласныхъ, подъ предсѣдательствомъ чиновниковъ по крестьянскимъ дѣламъ, по назначенію губернатора. Вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣется въ виду предоставить право губернскому земскому собранію, въ помощь губернской управѣ, для завѣдыванія хозяйствомъ отдѣльныхъ уѣздовъ, избирать особыхъ лицъ, не имѣющихъ права голоса на земскихъ избирательныхъ собраніяхъ, при условіи, однако, если они окончили курсъ въ высшемъ или среднемъ учебномъ заведеніи.

Министерствомъ земледѣлія разъяснено лѣсоохранительнымъ комитетамъ, что **изъятію отъ уплаты гербоваго сбора** подлежатъ всѣ прошенія, заявленія и тому подобныя бумаги, подаваемые лѣсовладѣльцами въ лѣсоохранительные комитеты, касающіяся разрѣшенія расчистки лѣсныхъ площадей, а также разрѣшительныя по нимъ бумаги лѣсоохранительныхъ комитетовъ.

Министръ внутреннихъ дѣлъ не нашелъ возможнымъ удовлетворить ходатайство Пермскаго губернскаго земства объ изданіи „Сборника“ этого земства по расширенной программѣ. („Перм. Губ. Вѣд.“).

Особымъ циркуляромъ министра финансовъ разъяснено, что **сословныя купеческія свидѣтельства** не относятся къ промысловымъ свидѣтельствамъ, почему съ лицъ, берущихъ купеческія свидѣтельства, не должны быть взимаемы и дополнительные сборы; при выдачѣ этихъ послѣднихъ, должны быть взимаемы только сборы въ пользу казны (по 1-й гильдіи 50 р. и по 2-й—20 р.), при этомъ могутъ быть взимаемы мѣстные сборы на сословныя купеческія надобности въ видѣ добровольныхъ складокъ лицъ, принадлежащихъ къ купеческому сословію.

По вопросу объ **измѣненіи нѣкоторыхъ статей земскаго положенія**, согласно циркулярному предложенію министерства внутреннихъ дѣлъ, Уфимское губернское земское собраніе, признавая участіе волостныхъ старшинъ въ земскихъ собраніяхъ полезнымъ и необходимымъ, высказалось категорически противъ участія волостныхъ писарей, такъ какъ лица эти, въ боль-

шинствѣ случаевъ, являются пришлыми въ губерніи и потому ничѣмъ не связанными съ мѣстными нуждами и интересами. Въмѣстѣ съ этимъ, то же земское собраніе постановило уполномочить губернскую управу возбудить ходатайство: 1) объ устраненіи изъ состава земскихъ собраній лицъ, занимающихъ должности земскихъ начальниковъ; 2) о предоставленіи земскимъ собраніямъ права избирать заступающихъ мѣсто председателей управъ; 3) о признаніи председателей уѣздныхъ земскихъ управъ чинами подлежащихъ губернскихъ земскихъ собраній, независимо отъ того, состоятъ ли они губернскими гласными или нѣтъ; 4) о предоставленіи уѣзднымъ земскимъ собраніямъ права непосредственно возбуждать ходатайство по вопросамъ, касающимся мѣстныхъ польвъ и нуждъ того же уѣзда и, наконецъ, о разрѣшеніи выдавать прогонныя деньги гласнымъ, прибывающимъ на земскія собранія.

Собрание предводителей и депутатов дворянства С.-Петербургской губерніи признало желательнымъ: 1) пересмотрѣть кореннымъ образомъ законоположенія о владѣніи на правѣ давности, причѣмъ поставить непрѣмѣннымъ условіемъ давностнаго владѣнія справедливое основаніе добросовѣтнаго владѣнія, срокъ же давности значительно увеличить; 2) увеличить до 3 лѣтъ срокъ на предъявленіе исковъ о возстановленіи нарушеннаго владѣнія, безъ измѣненія подсудности; 3) при производствѣ отграниченія крестьянскихъ надѣловъ отъ владѣльческихъ земель примѣнять существующія законоположенія о давности, не какъ главное основаніе для разрѣшенія споровъ о границахъ, — какъ должны служить всѣ документальныя акты, — а лишь, какъ восполняющій ихъ элементъ; 4) принять часть расходовъ по приведенію отграниченія на государственный счетъ; 5) ускорить введеніе вотчиннаго устава и 6) при судебно-межевомъ раздѣлѣ дворянскихъ земель, установить обязательное участіе на правахъ членовъ судебно-межевой коллегіи мѣстныхъ опытныхъ хозяевъ, съ непрѣмѣннымъ участіемъ губернскаго и уѣзднаго предводителей дворянства. Губернское дворянское собраніе приняло безъ измѣненій пункты 2, 4, 5 и 6, пунктъ 3 съ незначительною редакціонною поправкою, а по пункту первому — собраніе, раздѣляя всѣ остальные соображенія, высказалось за сохраненіе существующаго срока давности.

Въ выѣздной сессіи Костромскаго окружнаго суда въ г. Галичѣ, во время засѣданія по дѣлу о крестьянкѣ Евфросиніи Пудиной, обвинявшейся въ отравленіи мужа, произошелъ исключительный инцидентъ.

На просьбу защитника подеудимой предъявить сторону и присяжнымъ засѣдателямъ вещественное доказательство, указанное въ дѣлѣ, — стеклянную трубку аппарата Марша, на которой долженъ находиться видимый для всѣхъ зеркальный налетъ мышьяка, служащій доказательствомъ присутствія въ организмѣ яда, судъ объявилъ, что оставляетъ ходатайство защиты безъ удовлетворенія, такъ какъ по полученному наканунѣ увѣдомленію Галичскаго полицейскаго управленія приобщенное къ дѣлу вещественное доказательство уничтожено вслѣдствіе предложенія о томъ прокурора суда. Судъ присяжныхъ, послѣ не-

продолжительнаго совѣщанія, вынесъ подеудимой оправдательный вердиктъ.

Въ засѣданіи Харьковской судебной палаты отъ 25 января по дѣлу кондуктора Бѣликова защитникъ, **присяжный повѣренный Левченко**, прервалъ рѣчь и обратился къ председателю съ просьбой, чтобы члены особаго присутствія слушали его, защитника, рѣчь, а не занимались посторонними дѣлами. По окончаніи дѣла, по требованію защитника, заявленіе его занесено въ протоколъ, съ добавленіемъ председателя Крестьянова, что одинъ изъ членовъ суда просматривалъ дѣло Скитскихъ. (Нов. Вр.).

Въ послѣднюю сессію Новгородскаго окр. суда въ г. Демянскѣ, слушалось интересное съ бытовой стороны дѣло по обвиненію десяти крестьянъ Новгор. губ., Демянск. у., Дуженской вол., дер. Грязной Новинки, а именно: Ульяны Никитиной, 90 лѣтъ, и Анастасіи Андреевой, 70 лѣтъ — въ кражѣ; Марфы Алексѣевой, 25 лѣтъ, Устины Архиповой, 50 лѣтъ, и Прасковьи Павловой, 40 лѣтъ — въ укывательствѣ кражи; Кузмы Николаева, 30 лѣтъ, Ивана Григорьева, 30 лѣтъ, Семена Федорова, 33 лѣтъ, Акулины Тимофеевой, 47 лѣтъ — въ грабежѣ съ насиліемъ.

Обстоятельства дѣла таковы: 12 декабря 1897 года, въ деревнѣ Грязной Новинкѣ, умерла одинокая крестьянка Анна Васильева, имѣвшая до 3,000 рублей сторублевыми кредитными билетами, хранившимися въ ея постели. Тотчасъ же послѣ смерти Васильевой, деньги эти были взяты жившею вмѣстѣ съ нею золовкой ея, девяностолѣтнею старухою Никитиною и спрятаны ею за печь. Вошедшая въ это время въ избу крестьянка Андреева, замѣтивъ, куда Никитина спрятала деньги, въ свою очередь похитила ихъ и ушла домой. Обнаруживъ пропажу денегъ, Никитина тотчасъ же отправилась къ Андреевой съ требованіемъ возврата таковыхъ и Андреева возвратила ихъ, удержавъ, впрочемъ, съ согласія Никитиной, сто рублей. Тогда же Никитина отдала эти деньги на храненіе Алексѣевой, давъ ей изъ нихъ за сбереженіе сто рублей. Когда же наслѣдники умершей Васильевой стали разыскивать оставшіяся послѣ покойницы деньги и, узнавъ, что таковыя находятся на сохраненіи у Алексѣевой, отправились къ ней вмѣстѣ съ сельскимъ старостою, Алексѣева успѣла уже передать деньги своей теткѣ Архиповой, а эта послѣдняя, боясь обыска, тогда же передала ихъ Павловой. Передачу денегъ Павловой видѣли Тимофеева и Михайлова, въ присутствіи которыхъ Павлова спрятала эти деньги въ подполье своей избы. По выходѣ отъ Павловой, Тимофеева и Михайлова, предлагавшія передъ тѣмъ подѣлить деньги, рассказали о сокрытіи Павловою денегъ Николаеву, Федорову и Григорьеву, съ которыми и вернулись снова къ Павловой. Когда Николаевъ, открывъ подполье, спустился въ него, то за нимъ послѣдовала сама Павлова, а за нею и всѣ остальные лица. Лишь только Павлова схватила съ земли свертокъ съ деньгами, какъ Николаевъ ударилъ ее по рукѣ, деньги разсыпались, Федоровъ сзади схватилъ и держалъ Павлову, а остальные набросились на деньги и расхватили ихъ. При этомъ, какъ показали свидѣтели Федоровъ и Архиповъ, во время расхищенія

денегъ, часть ихъ Павлова успѣла передать черезъ окно подполья своему сыну Ивану.

Такова фабула этого дѣла. Курьезно оно и по своей сущности, и по своимъ подробностямъ, и по своему финалу. Любопытны порядки нашей деревни, гдѣ среди бѣлаго дня, почти на глазахъ у наслѣдниковъ Васильевой и сельскаго старосты, деньги перелетаютъ изъ рукъ въ руки съ ловкостью какого то Боско и въ концѣ-концовъ прямо таки расхищаются цѣлою толпою. Интересно и то, что всѣ произведенные обыски ни къ чему не привели и деньги такъ-таки и остались не разысканными, несмотря на то, что въ теченіи времени неоднократно въ мѣстныхъ лавкахъ мѣнялись „стопрублевенкія“ бумажки, какъ это выяснилось на судебномъ слѣдствіи. Присяжные засѣдатели вынесли всѣмъ десяти подсудимымъ оправдательный приговоръ.

По словамъ „Приазовск. Края“, мировому судѣ хutora Калача (2 Донск. окр.) пришлось недавно разрѣшить рядъ однородныхъ дѣлъ о неявкѣ старообрядцевъ на бесѣды съ миссіонерами о предметахъ вѣры. Какъ выяснилось на судѣ, уклоняющіеся отъ бесѣдъ старообрядцы считали себя обиженными формою, въ которой имъ дѣлались приглашенія на бесѣды. Миссіонеры пишутъ предписаніе поселковымъ атаманамъ, въ которыхъ послѣднимъ „предлагаютъ доставить“ къ нимъ такого-то казака или такого-то жлепопа, что кажется очень обиднымъ для старообрядческихъ духовныхъ лицъ. Такъ, одинъ изъ нихъ пишетъ, что онъ не пойдетъ на бесѣду уже потому, что въ самой повѣсткѣ ему наносятъ оскорбленіе и стараются унижить его, называя казакомъ, тогда какъ у него имѣется официально признаваемый титулъ „старообрядческій требоисправитель“, — такъ его именуетъ и высшее начальство. Другой на повѣсткѣ пишетъ, что онъ вовсе не лживый пошъ, какъ тамъ будто бы обозначено, а лживый—тотъ, кто такъ его величаетъ. Мировой судья, не найдя въ законѣ никакихъ указаній на то, чтобы неявка на бесѣды подлежала уголовному преслѣдованію, счелъ нужнымъ узнать отъ станичныхъ атамановъ, на основаніи чего они привлекаютъ къ суду старообрядческихъ требоисправителей. На это судья получилъ отвѣтъ, что дѣлается это по требованію миссіонеровъ, на основаніи обязательнаго постановленія г. наказнаго атамана. Однако въ доставленномъ судѣ постановленіи оказалось только предписаніе г. наказнаго атамана мѣстной полиціи содѣйствовать миссіонерамъ въ устройствѣ собесѣдованій,—предписаніе, понятое низшими властями совершенно неправильно. Поэтому мировой судья оправдалъ всѣхъ обвиняемыхъ, а такъ какъ, несмотря на это, подобныя же дѣла продолжали поступать къ нему, то послѣднія рѣшались имъ уже безъ вызова привлеченныхъ къ суду.

„Сѣверный Край“ сообщаетъ, что одинъ изъ пошехонскихъ земскихъ начальниковъ, въ прошломъ году, предложилъ волостнымъ правленіямъ сдѣлать заказъ книгъ и бланковъ не въ одной изъ типографій Ярославской губ., а черезъ посредство ея, земскаго начальника, въ типографіи г. Подземскаго въ г. Полтавѣ. Такъ какъ предложеніе начальника

равняется почти приказанію, то всѣ волостныя правленія и согласились на это. Заказъ былъ недавно сдѣланъ и, какъ слѣдовало ожидать, обошелся для каждаго правленія гораздо дороже, чѣмъ если бы онъ сдѣланъ былъ здѣсь. Одна пересылка отъ г. Полтавы до Пошехонья чего-нибудь да стоитъ! Въ результатѣ правленія переплатили за это сравнительно порядочную сумму.

Проектомъ положенія о пенсіонныхъ кассахъ для служащихъ въ земскихъ и городскихъ учрежденіяхъ общественнаго управленія, въ качествѣ членовъ-участниковъ обязательно должны состоять всѣ лица, находящіеся на постоянной платной службѣ въ земскихъ и городскихъ учрежденіяхъ, а въ томъ числѣ и всѣ служащіе по выборамъ земскихъ собраний и городскихъ думъ. Изъ числа обязательныхъ участниковъ кассъ могутъ быть исключаемы лишь лица, имѣющія при учрежденіи кассы или при вступленіи на службу по открытіи ея дѣйствіи возрастъ, превышающій предѣлъ, установленный уставомъ.

По ходатайству губернскихъ земскихъ собраний и съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ предполагается допускать къ участию въ кассахъ служащихъ въ сословныхъ, благотворительныхъ, учебныхъ и другихъ общественныхъ учрежденіяхъ.

Главнымъ источникомъ средствъ кассъ, по проекту, служатъ обязательные и добровольные взносы участниковъ. Обязательные вычеты предполагается производить: при вступленіи въ число участниковъ кассы, не свыше, однако, полуторамѣсячнаго содержанія участника, съ разсрочкой взноса не болѣе какъ на одинъ годъ; ежемѣсячно въ размѣрѣ 6% получаемаго содержанія; при полученіи наградныхъ—въ размѣрѣ 10% таковыхъ и, наконецъ, при увеличеніи оклада содержанія, въ размѣрѣ разности между новымъ и старымъ окладомъ содержанія за три мѣсяца, съ разсрочкою, но не болѣе какъ на одинъ годъ.

Оргѣвское земство Бессарабской губ. принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ земствъ, которыя проектируютъ **страхованіе жизни служащаго въ земствѣ медико-ветеринарнаго персонала**; такъ, жизнь каждаго изъ докторовъ, медиковъ и ветеринаровъ застрахована въ суммѣ 5,000 р., жизнь же каждаго изъ фельдшеровъ (медицинскаго и ветеринар.) въ 1,000 р.

21 января въ Кіевскомъ окр. судѣ слушалось дѣло по обвиненію крестьянина Цапо Цапенко въ подлогѣ. По объявленіи подсудимому приговора, коимъ онъ приговоренъ къ заключенію въ тюрьму на 1 г. и 4 м., Цапо Цапенко, переведенный въ комнату, гдѣ временно содержатся осужденные, лишилъ себя жизни выстрѣломъ изъ револьвера въ високъ („Кіевл.“).

Харьковскій губернаторъ опротестовалъ, какъ незаконное, постановленіе харьковскаго губернскаго земства объ ежегодномъ ассигнованіи 200,000 р. на нужды народнаго образованія въ губерніи. Постановленіе курскаго губернскаго земства объ ассигнованіи 36,000 руб. для выдачи безвозвратныхъ пособій

на постройку новыхъ школъ, по сообщенію „Русск. Вѣдом.“, опротестовано курскимъ губернаторомъ на основаніи 2 п. 87 ст. земскаго положенія, т. е. какъ несоотвѣтствующее общимъ государственнымъ пользамъ и нуждамъ, либо явно нарушающее интересы мѣстнаго населенія.

Въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ разрабатывается въ настоящее время вопросъ о правахъ пріемышей въ крестьянскихъ семьяхъ по отбыванію ими воинской повинности и пользованію общественной землей. Въ отношеніи воинской повинности пріемышамъ предполагается предоставить права членовъ семьи въ тѣхъ случаяхъ, если они были усыновлены до 10-лѣтняго возраста и, притомъ, съ вѣдома сельскаго общества. Права же однообщественниковъ въ отношеніи земельного надѣла проектируется предоставить пріемышамъ независимо отъ ихъ возраста и времени пріема ихъ въ общество. Въ послѣднемъ случаѣ къ пріемышамъ въ правахъ на надѣлъ приравняются также и незаконнорожденные.

Библиографія

А. С. Кривцовъ. Абстрактныя и матеріальныя обязательства въ римскомъ и въ современномъ гражданскомъ правѣ. Юрьевъ. 1898. (Изъ Ученыхъ Записокъ Имп. Юрьевскаго Университета). V+256.

Въ настоящемъ изслѣдованіи авторъ ставитъ себѣ цѣлью разобрать юридическое строеніе обязательствъ особаго стиля, которымъ современная терминологія присвоила техническое названіе абстрактныхъ, формальныхъ, съ невыраженнымъ въ ихъ составѣ матеріальнымъ основаніемъ, подвижныхъ (Бриггцъ). Задача изученія этого явленія не можетъ быть правильно поставлена, если современный изслѣдователь ограничиваетъ кругъ своихъ наблюденій исключительно теперешними институтами гражданского и торговаго права. Необходимо значительно расширить кругъ наблюденій и объять не только реципированную систему юстиниановскаго права, но и предшествующую ей эпоху классической юриспруденціи. Это, натурально, крайне осложняетъ дѣло, и умѣнье автора, при незначительномъ сравнительно объемѣ книги, ознакомить читателя, хотя бы въ общихъ чертахъ, съ такимъ обширнымъ кругомъ явленій дѣлаетъ ему несомнѣнно большую честь.

Независимо отъ обширности предмета изученія, задача, поставленная себѣ авторомъ, принадлежитъ къ числу самыхъ трудныхъ основныхъ проблемъ современной юриспруденціи. При этомъ автору, пишущему по - русски, нельзя ограничить своего изложенія тѣсно взятой и указанной въ заглавіи книги темой. Крайняя скудость отечественной литературы по этому основному для всей юридической техники, для строенія юридической сдѣлки и обязательственнаго договора въ особенности, вопросу побуждала его невольно войти тутъ-же въ разсмотрѣніе очень контраверснаго и сложнаго предмета, именно ученія о *каузальномъ моментѣ въ составѣ договора*, безъ чего трудно было бы приступить къ разясненію природы абстрактнаго обязательства и особенностей, отличающихъ строеніе ихъ отъ обязательствъ матеріальныхъ. Этой вводной задачѣ, ученію о каузальномъ моментѣ сдѣлки, авторъ вынужденъ былъ посвятить значительную часть своей книги (стр. 1—110).

Во всемъ рядѣ ученій, опредѣляющихъ собою содержаніе книги, едва ли найдется такое, которое не вызывало бы сомнѣній, противорѣчій, споровъ по самымъ основнымъ задачамъ цивилистики, не привлекало къ рѣшенію этихъ старыхъ юридическихъ контраверсъ лучшихъ силъ изъ самыхъ свѣтлыхъ эпохъ исторіи нашей науки. Натурально и здѣсь автору приходится ограничивать передачу этихъ контраверсъ наиболее важными и выводить на сцену далеко не всѣхъ представителей разныхъ направлений и разныхъ лагерей, а лишь главнѣйшихъ и сильнѣйшихъ вождей продолжительнаго и далеко еще не завершившагося и нынѣ состоянія. Изображеніе этой живой сторовы теперешняго положенія проблемы составляетъ опять несомнѣнную заслугу автора передъ публикой, мало посвященной не только въ задачи, но и въ способы разработки и рѣшенія трудныхъ проблемъ цивилистики въ богатой современной, особенно нѣмецкой, юридической письменности.

Въ ученіи о каузальномъ моментѣ договора изъ множества другихъ современныхъ писателей авторъ особенно выдѣляетъ и совершенно правильно выводитъ на первый планъ нынѣ покойнаго имени таго лейпцигскаго пандектиста Бернгарда Виндшейда, съ одной, и профессора д-ра Оттона Лёнеля изъ Страсбурга, съ другой стороны. Виндшейдъ, издавна, въ одной изъ раннихъ своихъ публикацій (*die Lehre d. röm. R. v. d. Voraussetzung*, 1850 г.), въ ученіи о каузальномъ моментѣ юридической сдѣлки выдѣлилъ особенно психической мотивъ, волю (не волеизъявленіе), какъ подлинную основу ея юридическаго эффекта. Лёнель, наоборотъ, выводитъ моментъ экономическаго обмѣна впередъ, ставя, такимъ образомъ, эффектъ юридическаго волеизъявленія ближе къ подлинной для него цѣли экономическаго обмѣна (рядъ журнал. работъ указан. автор.). За этими двумя единоборцами видны тѣмы болѣе или менѣе близкихъ къ вождямъ той или другой стороны послѣдователей и единомышленниковъ. А. С. Кривцовъ, по нашему мнѣнію, совершенно основательно отказывается стать въ эти ряды противниковъ и послѣдователей психической (субъективной) и экономической (объективной) основы ученія о *causa*, и за основу юридической силы договора принимаетъ „правовую цѣль“. Читатель найдетъ въ разсматриваемой книгѣ въполнѣ достаточное изображеніе какъ этой контраверсы, такъ и отклоняющагося мнѣнія нашего автора. Въ этомъ ученіи я слѣдую почти тому же взгляду на вопросъ и за невозможностью, въ короткой рецензій, указать основу моего мнѣнія, обращаю вниманіе читателей на рядъ параграфовъ (36, 37, 38), нынѣ уже отпечатанныхъ, посвященныхъ именно понятію внутренняго формализма воли въ составѣ юридической сдѣлки, въ имѣющемъ вскорѣ появиться третьемъ выпускѣ моихъ чтеній по гражданскому праву.

Ученіе о *causa* въ составѣ договора есть, натурально, только *вводное* и совершенно необходимое для юридической конструкціи абстрактнаго обязательства. Этотъ институтъ и составляетъ главный предметъ и цѣль труда г. Кривцова. Вопросъ объ абстрактномъ обязательствѣ для нѣмецкой юриспруденціи общаго права сравнительно новый, лишь въ недавнее время вступившій на очередь виднѣйшихъ контраверсанныхъ задачъ этой дисциплины, составляя долгое время предметъ спеціальной разработки въ связи съ ученіями объ отдѣльныхъ институтахъ торговаго права. Причина этого была совершенно проста. Типическій латинскій формальный контрактъ *verbis, stipulatio*, не былъ реципированъ итальянской доктриной и не вошелъ въ систему *современнаго общаго права* (*usus modernus juris romani*). Слѣдовательно, дѣйствіе общаго типическаго обязательственнаго договора съ отрѣшенной отъ матеріально-каузальнаго момента си-

лой обнаруживалось болѣе или менѣе въ частностяхъ, въ особыхъ инстигутахъ, и до самаго послѣдняго времени не выступало на широкое поле примѣненія и обработки въ системѣ и въ литературѣ теперешняго пандектнаго права. Тамъ, гдѣ авторитетъ итальянской рецепціи былъ равно подорванъ, во Франціи, система формальныхъ контрактовъ давно привлекала къ себѣ вниманіе учителей общаго права. Куяцій разумѣлъ стипуляцію именно въ этомъ смыслѣ, какъ *всесодержащую договорно-обязательственную форму* (pandectas oronium contractuum). Силу отрѣшеннаго отъ каузального момента договора прекрасно зналъ Pothier, и подъ влияніемъ его доктрины въ Code civil былъ введенъ знаменитый art. 1132, по силѣ кою la convention n'est pas moins valable quoique la cause n'en soit pas exprimée (см. и оба связан. съ этимъ art., 1131 и 1133). Старо-прусская цивильная юриспруденція, издавна искавшая завоевать себѣ видное мѣсто въ средѣ ландректовъ, имѣющихъ современемъ отбѣснить въ сторону реципированную систему общаго права, не могла въ этомъ вопросѣ ни отрѣшиться отъ старыхъ предразсудковъ, ни выдержать послѣдовательно своихъ принциповъ. Отрѣшенная отъ выраженной въ составѣ сдѣлки матерьяльной ея основы сила тревожила мысль старыхъ юрисконсультовъ особенно тѣмъ, что здѣсь до крайности трудно контролировать лицо въ сферѣ его имущественныхъ интересовъ, провѣрять балансъ его операций и въ особенности оградить его отъ опасныхъ увлеченій, къ чему такъ склонны были руководящіе умы той эпохи. Не внушало опасеній проявленіе автономнаго въ извѣстной степени волеизъявленія въ сферѣ частнаго права только для круга людей искушенныхъ, для класса торговаго. Но и этотъ взглядъ не былъ выдержанъ; и тамъ, гдѣ искали подыять кредитъ, въ видахъ процвѣтанія, напр., сельскаго хозяйства, было допущено право трасировать вексель на извѣстное землевладѣніе (Grundschuld), хотя бы дѣло выходило вовсе изъ круга людей торговаго класса.

Чтобы выйти изъ узкихъ, условныхъ рамокъ реципированной системы, наука *общаго права* въ Германіи должна была обновить методъ своихъ изысканій, и эту задачу новая юриспруденція выполнила подъ знаменемъ *исторической школы правоуяднія*. Изъ умственно-вялой атмосферы кодифицированной системы, говоритъ одинъ изъ корнеевъ этой школы, новая юриспруденція поднялась въ горный воздухъ классическаго права... Постоянное духовное общеніе съ высокими представителями латинскаго творческаго генія въ правѣ вызвало въ юристахъ этой школы ту же созидательную, въ области юридическихъ инстигутахъ, литературную и практическую дѣятельность, какую находило у нихъ.

Въ исторіи разработки занимающаго насъ здѣсь въ особенности института абстрактнаго обязательства мы имѣемъ рядъ славныхъ именъ: Либе, Эйнерта, Тѣля, Савиньи, Кунтце и друг.; но настоящій кризисъ во всемъ положеніи дѣла наступаетъ съ появленіемъ классической монографіи Оттона Бэра Die Anerkennung als Verpflichtungsgrund, съ тѣхъ поръ выдержавшей три изданія (1855, 1867, 1895) и въ которой безпристрастные цѣнители справедливо указываютъ вѣявъ, такъ сказать, ожившій въ новое время творческій духъ классической юриспруденціи.

Вслѣдъ за появленіемъ этой работы Бэра (55 г.) вдохновенный Рудольфъ Иерингъ усвѣщаетъ своимъ изумительнымъ даромъ обобщенія изъ этого вопроса о формализмѣ въ составѣ договорной сдѣлки создать цѣлое ученіе о юридической техникѣ вообще и въ рядѣ блестящихъ этюдовъ находить отвѣты на общіе вопросы метода юридическаго творчества въ самомъ широкомъ примѣненіи къ любымъ инстигутамъ публичнаго и частнаго права. Пандектисты новой формации (Виндшейдъ) спѣшатъ ввести въ программу своихъ новыхъ пандектныхъ учебни-

ковъ особыя ученія, посвященныя матеріямъ, коихъ старые учителя вовсе избѣгали касаться.

На выше названной нами работѣ Бэра съ тѣхъ поръ, съ начала шестидесятихъ годовъ, сосредоточивается все вниманіе практической и научной юриспруденціи и около круга задачъ, имъ намѣченныхъ, развиваются главнѣйшія контраверзы по основному вопросу о *договорѣ признанія* и цѣлому ряду соприкасающихся съ этимъ институтомъ крупныхъ и мелкихъ проблемъ латинскаго и современнаго договорно-обязательственнаго права. Многое въ этой борьбѣ мнѣній приходилось точнѣе разрабатывать, частью видоизмѣнять, освѣщать вновь въ виду нарождавшихся сомнѣній и контраверзъ. Не дешево дался Бэру эти столкновенія мнѣній, эта борьба старыхъ и новыхъ воззрѣній на такой скользящей почвѣ, какъ разработка задачъ практической цивилистики въ странѣ могучаго подъема общественнаго сознанія и участія въ дѣлѣ широкихъ круговъ людей весьма свѣдущихъ.

Чтожь сдѣлалъ нашъ авторъ съ этимъ ученіемъ Бэра, какъ оцѣнилъ его заслуги?

Вопросъ о *договорѣ признанія* занимаетъ у г. Кривцова центральное мѣсто въ его изслѣдованіи. Ученіе Бэра передано коротко и вполне вѣрно. Новая догма обставлена хотя не исчерпывающимъ, но все же весьма основательнымъ очеркомъ испытаній, которыя пришлось ей выдерживать. Нѣкоторые критическіе и конструктивные опыты, сдѣланные лучшими цивилистами Германіи и Австріи (Брунсв, Унгеръ) изображены настолько полно, что можно безъ труда представить себѣ весь обмѣнъ мыслей. Собственно это все, чего можно желать для тѣхъ круговъ русскихъ читателей, коимъ полезно открыть доступъ къ работамъ настоящихъ мастеровъ современнаго пандектнаго права по одному изъ очень видныхъ и контраверзныхъ инстигутахъ современной цивилистики. Заключение книги (собственно разработка ученія о делегации) имѣетъ въ этомъ смыслѣ въ нашихъ глазахъ второстепенное значеніе.

Какъ же, однако, отнесся самъ г. Кривцовъ къ ученію Бэра? Отвѣтъ мы находимъ въ §§ 45, 46, 47 его трактата, хотя собственно настроеніе автора проглядываетъ повсюду. Удалось-ли Оттону Бэру завлечь нашего автора въ число послѣдователей своего ученія, въ обширные круги своихъ единомышленниковъ? Мы думаемъ, нѣтъ!

Но что же возбуждаетъ мнительность автора въ ученіи Бэра? Это нелегко сказать. Его нельзя назвать прямо противникомъ беровскихъ идей. Это было бы неосновательно. Но та критика, которую въ свое время встрѣчены были его ученія въ Германіи, безъ сомнѣнія произвела на г. Кривцова очень глубокое впечатлѣніе. Мы все не думаемъ здѣсь исчерпывать вопроса. Мы хотѣли только привлечь вниманіе нашей серьезной читающей публики и къ этому вопросу, и къ работѣ г. Кривцова. Тогда все станетъ ясно въ деталяхъ.

Но вотъ что мы считаемъ не лишнимъ замѣтить уже здѣсь. А. С. Кривцова очевидно особенно смущаетъ то обстоятельство, что возможны практическіе случаи, гдѣ очень трудно провести границу между подлиннымъ договоромъ признанія (echte Anerkennung), когда мы *актомъ воли* именно *создаемъ правооснованіе*, и тѣмъ явленіемъ, гдѣ признаніе является *только средствомъ доказыванія* (unechte Anerkennung), между конститутивной и только декларативной его силой (юридическое и фактическое признаніе у Кривцова, стр. 201). Нѣтъ сомнѣнія, что смѣшеніе и даже сочетаніе того и другого въ одномъ случаѣ совершенно возможно (стр. 202). Но кто же отвергалъ трудность этого анализа? Бэръ не разъ возвращался къ этой задачѣ и всякій разъ вновь подтверждалъ эту трудность. Едва ли есть возможность даже предусмотрѣть всѣ тѣ осложненія, которыя можетъ встрѣтить практика при разработкѣ и разрѣшеніи этихъ вопросовъ. Но развѣ отсюда

можно придти къ заключенію, что указанныхъ явленій такъ и не слѣдуетъ различать, или что въ случаяхъ трудныхъ и спутанныхъ будетъ правильно опустить руки и отказаться совсѣмъ отъ разработки вопроса, потому что онъ очень труденъ?

Съ другой стороны, г. Кривцовъ находить, что, не отнеся договора признанія къ опредѣленному предшествующему *матерьяльному* основанію, трудно его индивидуализировать. Это тоже вѣрно. Но трудность индивидуализировать и абстрактная постановка обязательства—въдѣ это собственно двѣ стороны одного и того же дѣла. Мы для того и отрѣшаемъ силу сдѣлки отъ матерьяльной ея основы, чтобъ этимъ простѣйшимъ ея строеніемъ приблизить ее къ осуществленію и въ нѣкоторыхъ типахъ дать ей легчайшую оборотность въ любомъ кругѣ лицъ, совсѣмъ не знающихъ на чѣмъ, въ матерьяльномъ смыслѣ, основано данное обязательство. Въ этомъ видѣ абстрактная сдѣлка вообще, договоръ признанія въ особенности будутъ именно функционировать какъ *Selbstverurtheilung*, разрѣшать предшествующія правоотношенія какъ окончательный расчетъ, какъ уплату...

Если г. Кривцова смущаетъ вопросъ, къ чему, къ какому предшествующему отношенію приурочить эту силу договора, то это вопросъ, близкій къ тому, что мы называемъ *imputation du rajeunement*, котораго вовсе нельзя смѣшивать съ вопросами *объ основаніи* обязательства. Въ договорѣ признанія какъ и во всякомъ абстрактномъ договорѣ, *юридическое основаніе обязательности въ немъ самою, въ волю лицъ въ него вступившихъ*, а не въ предшествующемъ, или послѣдующемъ матерьяльномъ моментѣ, въ виду коваго, *но не на основаніи коваго*, образовалось между ними данное договорно-обязательственное юридическое соглашеніе.

Какая же дальнѣйшая судьба ученія Бэра въ Германіи?

Начать съ того, что прежнія опасенія, которыя возбуждало, особенно между прусскими юристами, примѣненіе абстрактныхъ обязательствъ въ кругу людей торговыхъ, съ каждымъ годомъ теряли почву, по мѣрѣ того какъ способность къ торговымъ сдѣлкамъ расширялась на всѣхъ гражданъ. Съ другой стороны, та „незыблемая основа“ недоуцтимости этихъ обязательствъ въ системѣ права общаго, которая держалась на силѣ рецепціи, въ которую не вошла латинская стигуляция, уступила дѣйствию новаго имперскаго гражданскаго уложенія, ставшаго на мѣсто прежней системы и въ замѣну ей источникомъ теперешняго *общаго же* нѣмецкаго, точнѣе, имперскаго права съ несомнѣнной, кажется намъ, силой.

Что же даетъ намъ въ разсматриваемомъ вопросѣ новый имперскій кодексъ? Несомнѣнное и довольно рѣдко выпадающее на долю ученыхъ людей торжество ихъ идей въ практической области позитивнаго права. Рядъ параграфовъ новаго кодекса, находящагося теперь въ рукахъ всякаго образованнаго цивилиста на русскомъ языкѣ, прямо признаетъ юридическую силу *абстрактнаго признанія и абстрактнаго общаго долга* (*die Gültigkeit eines Vertrags, durch den das Bestehen eines Schuldverhältnisses anerkannt wird—Schuldanerkenntniss, или Schuldversprechen, которое die verpflichtung selbstständig begründen soll, стр. §§ 780, 781, 782 нов. герм. улож.*).

Эти короткія формулы кодекса составляютъ для имени Оттона Бэра несокрушимый и вполне заслуженный имъ памятникъ въ исторіи новой юриспруденціи. Все, что удержалось отъ старо-прусской мнительности въ составѣ этихъ положеній,—это лишь требованіе, въ нѣкоторыхъ условіяхъ, письменной формы для законченности сдѣлки въ обрядномъ смыслѣ (781), но и этотъ реквизитъ не есть постоянный (782).

Но торжество высокой цивилистической концеп-

ціи покойнаго Бэра не ограничивается предѣлами нѣмецкой территоріи. Изъ одной замѣтки, которую мы находимъ въ Журналѣ Мин. Юстиціи за 1896 г. (мартъ), легко заключить, какъ далеко за предѣлы нѣмецкой имперіи проникло ученіе О. Бэра совершенно независимо отъ какого бы то ни было позитивнаго авторитета ¹⁾.

Практика просвѣщенныхъ остзейскихъ судовъ и особенно Сената, вѣдающаго мѣстную юстицію, стоитъ несомнѣнно на высотѣ требованій современной созидательной, а не рецептивной только цивилистики. Г. Кривцовъ дѣлаетъ не разъ въ своей книгѣ указанія на рѣшенія высшихъ нѣмецкихъ судебныхъ инстанцій, едва ли имѣя основаніе полагать, что его русскіе читатели разыщутъ эти рѣшенія и воспользуются ими для уясненія вопроса. Между тѣмъ, у насъ подъ рукою прекрасная замѣтка сенатора А. Г. Гасмана, которая освѣщаетъ не только самую конструкцію Оттона Бэра, но и въ особенности тѣ ея стороны, которыя наименѣе ясны въ передачѣ г. Кривцова и которыя, думается намъ, именно помогли ему упорно держаться старо-прусской точки зрѣнія въ оцѣнкѣ (только технической, правда) этого института. Мѣстная юриспруденція давно уже, со времени появленія названной работы Бэра, приняла основы его ученія. Оно оказывало несомнѣнно не разъ услугу мѣстнымъ цивилистамъ для выхода изъ трудныхъ практическихъ проблемъ. Тотъ случай, который взятъ сенаторомъ Гасманомъ въ указанной книгѣ журнала, какъ будто созданный для того, чтобъ еще разъ подтвердить необходимость различать *договоръ признанія*, какъ *самостоятельную правотворящую* юридическую сдѣлку, отъ *признанія*, какъ простого *средства* дѣйствовать на убѣжденіе суда наряду съ любыми другими средствами (*media probationis* ²⁾), направленными къ той же цѣли.

Мы не приводимъ здѣсь сообщенія сенатора Гасмана, ибо его слѣдуетъ прочитать въ цѣломъ, чтобы получить то осязательное изображеніе конструкціи, которое много труднѣе достигается отвлеченнымъ изложеніемъ ученія.

Проф. Н. Л. Дювертуа.

„Вѣстникъ Права“.

„Вѣстникъ Права“ не только по своему имени, составу редакціи и сотрудниковъ, по внѣшнему виду является новымъ журналомъ. И по существу мы имѣемъ дѣло съ новымъ явленіемъ въ области нашей юридической журнальной прессы.

Насколько можно судить какъ по редактивной статьѣ, такъ и по характеру и содержанію дальнѣйшихъ статей первой книги журнала, „Вѣстникъ Права“

¹⁾ Нашъ молодой ученый не остановилъ своего вниманія ни на этомъ сообщеніи сенатора Гасмана, ни вообще на мѣстной системѣ. Правда, онъ въ этомъ отношеніи не дѣлаетъ никакого исключенія для прибалтійскихъ провинцій. Широко пользуется работами нѣмецкихъ цивилистовъ, онъ не упоминаетъ ни единымъ словомъ нѣкоторыхъ предшествующихъ русскихъ работъ по матерьяламъ весьма соприкосновеннымъ, изъ чего мы, однако, не думаемъ дѣлать ему никакого укора, такъ какъ ихъ много легче забыть, чѣмъ вспомнить или разыскать. въ виду полной безжизненности нашей цивилистической литературы. Желалъ бы очень иной судьбы новѣйшей нашей цивилистикѣ!

²⁾ Называя *actes récongnitifs, art. 1337 Code civil, договоромъ признанія* (стр. 175), нашъ авторъ очевидно смѣшиваетъ самъ эти двѣ вещи, ибо французская кодификація, натурально, нашла бы въ системѣ Code'a для *договора признанія* другое мѣсто, чѣмъ *Char. VI титула III кн. третьей, de la preuve des obligations, особ. section 1-ère de la preuve littérale.*

объясняет быть живым и деятельным органом, проводящим в жизнь определенное правовое мироощущение, действующим по определенной программе во имя известных идей и стремлений.

Свою программу и основные идеи „Вестник Права“ уясняет в передовой статье путем сопоставления научной деятельности и общественного значения науки права прошлого столетия и состояния юриспруденции XIX века, особенно второй его половины.

„Наука права XVIII века, и XVII тоже, может смело предстать пред судом веков. Она расскажет о своих чистых и светлых идеях, воодушевленной борьбе за страждущее человечество и славных побдах.“

Она боролась за свободу, за равенство, за мир, правду и братство между людьми и народами. Мощное слово ее разрушало вековые предрассудки и суеверия в правде, насаждало просвещенное и гуманное—истинное право и справедливость. Признаки свободы, достоинства и иных прав человеческого личности, как таковой, свобода религиозных и научных учений, равенство людей пред правом и государством и другие начала, которыми просвещенное человечество отличается от варварства, — в ней, в науке права, находили первого возвестителя, передового борца и мощного защитника...

Она очищала право от мрачного настыдия средних веков и вносила в него свет цивилизации.

Это понимало и ценило благодарное человечество. Его голосу внимали все образованные граждане и просвещенные правители... Провозглашаемая начала обсуждались в салонах, волновали и воодушевляли общество, заставляли просвещенных монархов вступать в переписку с их авторами для получения указаний и советов, служили основанием для законодательных актов и великих реформ, попадали в наказания законодательным комиссиям.

Кого и на какие великие дела воодушевляют учения теперешней юриспруденции? Куда она ведет человечество? Никуда она его не ведет, ибо никто ее руководства не слушает и не ждет. Вне ее круга, своего рода ремесленного цеха, никто, повидимому, не знает и не интересуется знать, чем она занимается, какие темы она обсуждает и как она их решает.

Кто в этом виноват: общество или юриспруденция?

Отвечая на этот вопрос, „Вестник“ дает краткую характеристику исторической школы и подвергает резкой (даже слишком резкой) критике те новейшие учения и течения, которые связаны главным образом с именем Геринга. Так, напр., по поводу „теории интересов“ на стр. V читаем:

„Воспевается гимн эгоизму и силе, открывается явная и скрытая война против „принципов“ и всего того, что может стеснять истинно практическую, реалистическую политику силы и интересов, чуждую сентиментализма. Создается на почве понятия „интерес“ соответственная теория права, поражающая своих поклонников не только своею новизною, но и своею трезвостью и реализмом, на самом же деле отличающаяся только цинизмом. Ее с презрением отвергли еще древние лучшие мыслители Греции—Сократ и Платон; ибо эта теория, не умеющая отличить правды от эгоистических вождельных и интересов, права от правил бессовестности, от политики интереса и силы, уже много веков тому назад преподавалась будущим карьеристам на афинских площадях. Ее обучали софисты афинских юношей за дешевую плату, вместе с прочими свидетельствами и приемами, необходимыми для быстрой карьеры, в том числе и искусством доказывать, что черное было, а белое черно, смотря по надобности и интересу...“

„Переход таких воззрений в действительную жизнь, в область политики, законодательства и применения права, конечно, не может предвзвешивать ничего доброго человечеству и культуре. Напротив, он означал бы переход в общественный организм опаснейшего яда, источника разложения и разрушения“.

Новое „реалистическое“ направление и в особенности его применение в области догматики права (практическо-догматическая школа) характеризуется, как недальновидный и безпринципный оппортунизм; теперешнее состояние юриспруденции описывается следующими словами:

„Вообще же, за отдаленными исключениями, в области юриспруденции, повидимому, все „обстоит благополучно“. Работа идет по прежнему. Суды судят и администраторы управляют по положительному праву, а не смотря по интересам (?), которые им желательно проводить. Ученые юристы сочиняют статьи и книги, пользуясь вообще обычными приемами толкования и юридической „логики“.

Но именно „все обстоит благополучно“ и есть самое подходящее выражение для характеристики этой работы и вообще состояния юриспруденции конца века. Ибо нет в ней истинной жизни, нет в ней души и сердца. Без воодушевления и веры в свое призвание, без животворных идей и идеала делается эта работа, получающая все более и более характер скучного и собственно резонного смысла даже не имвющего, ремесла.

Задачи юриспруденции XX века состоят в том, что она должна прежде всего отнестись критически к оппортунистическим учениям второй половины столетия, раскрыть и показать всю их научную и нравственную несостоятельность.

Освободившись таким образом от повижающего всякую деятельность и убивающего всякую мысль оппортунизма конца века, юриспруденция возвратится к принципиальной и идейной постановке своих начал и задач, возродится к новой идейной жизни и деятельности на славу права и его науки, на благо человечества.

Не яд разложения безпринципного оппортунизма будет исходить из лона юриспруденции, заражая общественный организм, а свет вечного идеала любви к человеку и высшей справедливости и указание путей движения к нему...

Возвращение к завтам лучших и славных времен науки права должно состоять и в том, чтобы, ясно и твердо разграничив действующее право и его догматику, положительную юриспруденцию, от „философского права“, как говорили прежние юристы, или точнее—от политики права, как науки, изучающей задачи и пути дальнейшего развития права, — признать и удовлетворить равное и самостоятельное право этих областей на научную, принципиальную, систематическую и методическую разработку.“

Эти две задачи, изменение природы правового мироощущения и установление особой самостоятельной науки—политики права—находятся в тесной взаимной связи. Развитие политики права должно вызвать: „Идейное возрождение, углубление и расширение мироощущения юристов; с другой стороны, отсутствие такой самостоятельной дисциплины и наличность ее противоположного и фальшивого суррогата внутри догматики—в виде перетолковывания и искажения действующего права для практических целей—имели и должны иметь противоположное, отрицательное влияние на само мироощущение юристов, а именно вели и должны необходимо вести к измельчанию и ополнению этого мироощущения.“

Объясняется и доказывается это следующими соображениями:

Наступившее в XIX веке падение вместе со школою естественного права науки политики права, выброшенной вообще за борт науки по недоразу-

мѣню, вмѣстѣ съ нѣкоторыми дѣйствительно ошибочными теоретическими положеніями прежней философіи права, и торжество практическо-догматическаго направленія—означали вмѣстѣ съ тѣмъ переходъ выработки и развитія воззрѣній на значеніе и смыслъ правовыхъ институтовъ съ почвы великихъ, глубокихъ и широкихъ проблемъ и такихъ же идей на почву мелкихъ проблемъ и такихъ же мелко-практическихъ соображеній.

Въ самомъ дѣлѣ: практическо-догматическое перетолковываніе дѣйствующаго права и соответственные практическіе мотивы не могли и не могутъ найти примѣненія въ области крупныхъ, основныхъ и незыблемыхъ правоположеній, а естественно направляются на мелкія и мельчайшія развѣтвленія правовой системы, на слабо освѣщенные основными принципами права, отдаленные отъ ствола и основныхъ вѣтвей правовой системы, вопросы. Здѣсь, въ мелкихъ казуистическихъ развѣтвленіяхъ, много вообще не предусмотрѣно и не можетъ быть предусмотрѣно законодателемъ, такъ что здѣсь главное приложеніе для продуктивной роли догматики, для приложенія дедуктивной юридической „логики“ или же, въ случаѣ ложнаго пониманія задачи догматики, для практическаго произвола.

„Мелочности затѣваемыхъ измѣненій и нарушеній соответствуетъ и характеръ практическихъ мотивовъ и соображеній. О широкому кругозору, о крупныхъ идеяхъ здѣсь не можетъ быть рѣчи. Мелкія удобства, житейская микроскопія, пошлая практичность—вотъ что здѣсь находить благодатное поле приложенія и развитія.

„Этотъ тонъ и это направленіе были немислимы въ эпоху школы „естественнаго“, „философскаго“ права, которая по существу своему должна была исходить и исходила изъ существа и смысла всей величественной системы правопорядка, изъ глубоко лежащихъ въ разумной природѣ человѣка общихъ корней его, изъ основныхъ идей и принциповъ, воплощенныхъ въ дальнѣйшихъ главныхъ развѣтвленіяхъ правовой системы... Они будутъ немислимы и въ будущемъ, когда на ряду съ положительною юриспруденціей, догматикой, будетъ возстановлено изученіе политики права, самостоятельной дисциплины, систематически и методически изслѣдующей: во-первыхъ, задачи правосозданія, какъ ту общую и высшую задачу, тотъ идеалъ, которымъ мы должны руководиться въ области правосозданія вообще, такъ и тѣ подчиненныя задачи, которыя мы должны имѣть въ виду въ области отдѣльныхъ вѣтвей законодательства, во-вторыхъ, рациональныя средства и пути для рѣшенія этой системы общей и высшей, и спеціальныхъ и подчиненныхъ задачъ.“

Въ области юриспруденціи въ тѣсномъ смыслѣ освобожденіе отъ оппортунизма и принципиальная постановка дѣла должна состоять въ „возстановленіи юридическаго принципа, начала правомѣрности въ его чистотѣ и неприкосновенности, съ полнымъ сознаніемъ его ближайшаго общественнаго и дальнѣйшаго культурнаго, воспитательнаго значенія“.

Дальше отражаются разныя возможные недоразумѣнія относительно проведенія принципа законности, напр., отождествленіе его съ примѣненіемъ *iuris strictum*, букввальнымъ толкованіемъ и т. п. и указывается на необходимость помощи со стороны разумной законодательной политики для всесторонняго осуществленія принципа законности въ жизни.

Статья заканчивается словами:

„Если въ это дѣло критическаго освобожденія юриспруденціи отъ оппортунистическихъ ученій конца вѣка и возрожденія ея на принципиальной и идеальной почвѣ „Вѣстникъ Права“ внесетъ хоть скромную и малую лепту, то его задача будетъ исполнена, онъ будетъ—вѣстникомъ права.“

Что касается отдѣльныхъ статей, помѣщенныхъ

въ этомъ номерѣ, то первая изъ нихъ, Л. І. Петражицкаго, представляетъ рефератъ, прочитанный въ засѣданіи 28 ноября 1898 г. администр. отдѣленія юр. общества, о которомъ данъ отчетъ въ № 3 „Права“ за 1898 г.

Очень интересная статья І. А. Покровскаго знакомитъ читателя съ постановленіями новаго германскаго уложенія по вопросу о владѣніи. Какъ справедливо замѣчаетъ авторъ, владѣніе являлось въ литературѣ настоящаго столѣтія однимъ изъ самыхъ спорныхъ институтовъ гражданскаго права; поэтому, ознакомленіе русскихъ юристовъ съ отношеніемъ къ этому вопросу германскаго законодательства представляется крайне желательнымъ. Авторъ, относясь критически къ уложенію, признаетъ, однако, и серьезныя достоинства многихъ постановленій уложенія въ данномъ вопросѣ. Само собой, въ бѣгломъ очеркѣ авторомъ не только не могъ быть исчерпанъ вопросъ, но и многія его положенія остались не въ достаточной мѣрѣ обоснованными. Это—неизбѣжное послѣдствіе разработки столь большого вопроса въ небольшой журнальной статьѣ, нисколько не умаляющее ея серьезнаго достоинства. Отмѣтимъ интересныя разсужденія автора объ *exceptio vitiosae possessionis* согласно германскому уложенію. По этому вопросу, говоритъ авторъ, „гражданское уложеніе... входитъ въ роль маменьки, готовой допустить и драку между дѣтьми, лишь бы только дѣло не кончилось сныками и разбитыми носами, которые вызовутъ юрисдикцію менѣе покладистаго папеньки“. Такая постановка вопроса въ уложеніи, думаетъ г. Покровский, „не можетъ не производить тяжелаго впечатлѣнія; оно гораздо больше гсворить о силѣ, чѣмъ это вообще прилично праву. Есть-ли это ошибка составителей кодекса, не умѣвшихъ подслушать истинное настроеніе своего народа, или же специфическое настроеніе германскаго общества, или же, наконецъ, это „признакъ времени“, общій для всего цивилизованнаго міра къ концу XIX столѣтія, заключаетъ авторъ,—судить не станемъ“...

Статья Г. В. Слюозберга «Города и земства, какъ самостоятельныя юридическія лица» написана по поводу рапорта министра вн. дѣлъ въ Сенатъ объ отмѣнѣ рѣшенія судебной палаты по дѣлу г. С.-Петербурга со 2-мъ обществомъ конно-желѣзныхъ дорогъ. Рапортомъ этимъ возбуждается крайне любопытный вопросъ о правѣ министерства, согласно ст. 1295 уст. гражд. суд., входитъ въ Пр. Сенатъ съ рапортами объ отмѣнѣ судебныхъ рѣшеній по дѣламъ городскихъ общественныхъ управленій, въ коихъ введено въ дѣйствіе городское положеніе 1892 г. Вопросъ былъ разрѣшенъ общ. собраніемъ перваго и касс. д-овъ (отъ 4 мая 1898 г.) въ утвердительномъ смыслѣ. Авторъ статьи совершенно справедливо отмѣчаетъ важное значеніе этого разъясненія, которое «въ корнѣ измѣняетъ значеніе городскихъ и земскихъ учреждений въ отношеніи процессуальнаго ихъ положенія въ гражданскомъ судѣ и лишаетъ ихъ характера самостоятельныхъ юридическихъ лицъ». Нельзя также не согласиться съ окончательнымъ выводомъ автора, что «вопросъ, подлежащій разсмотрѣнію, сложнѣе, чѣмъ можетъ показаться, судя по рѣшенію Сената. Сложности его, если мы не ошибаемся, соответствуетъ и его важность».

Заслуживаетъ особеннаго вниманія, какъ по животрепещущей важности затронутаго вопроса, такъ и по превосходному анализу его, статья Л.—аго „Введеніе земскихъ учреждений на окраинахъ“. Исходя изъ того, что главнымъ препятствіемъ къ тому государственному прогрессу, который осуществляется объединеніемъ права, служатъ не сепаратистскія стремленія окраинъ, а несовершенство правовыхъ институтовъ коренной Россіи, авторъ доказываетъ, что по положенію 1890 г. земское представительство построено на такихъ началахъ, которыя почти равны отрицанію земскаго представительства.

Недостатки земскаго положенія, обнаруживающіеся съ особенной силой, когда заходить рѣчь о распространеніи его на окраины, особенно на западныя губерніи, столь велики, что можетъ быть рѣчь только о „непримѣненіи“ его къ окраинамъ.

Послѣднюю часть книги (не считая протоколовъ трудовъ Спб. юрид. общества) занимаетъ юридическое обозрѣніе, содержащее 7 главъ. По словамъ редакціи, „обозрѣнія будутъ приурочены преимущественно къ дѣятельности различныхъ департаментовъ Пр. Сенатѣ, судебныхъ и административныхъ“. Въ этихъ рѣшеніяхъ журналъ справедливо усматриваетъ главный источникъ для ознакомленія съ конкретнымъ состояніемъ нашего права. Наибольше интереснымъ намъ кажется обзоръ практики Правительств. Се-

ната по примѣненію 29 ст. уст. о нак. и 61 ст. пол. о зем. нак. Масса отгнѣнныхъ рѣшеній низшихъ инстанцій и постановленій земскихъ начальниковъ, разсыпавшихъ не въ мѣру щедрой рукой кары за неисполненіе яко бы законныхъ требованій и распорядженій, лишній разъ доказываетъ, какъ мало еще развито начало законности въ судѣ и управленіи и какое огромное значеніе имѣетъ принципъ охраны законности, который выставляетъ на своемъ знамени новая редакція журнала.

Привѣтствуя обновленный журналъ, мы, съ своей стороны, отъ души желаемъ редакціи неизменно стоять на высотѣ того міросозерцанія и тѣхъ задачъ, которыя она намѣчаетъ, и успѣшно содѣйствовать ихъ рѣшенію.

Судебная и судебно-административная практика.

IV Департаментъ Правительствующаго Сената.

Права банка на реализацію обезпеченія по оп call'нымъ счетамъ. Право банка (какъ каждая купца) на удержаніе вещей находящіяся въ его распоряженіи имуществомъ своего должника для погашенія долга этого по-слѣднью.

Русскій для внѣшней торговли банкъ открылъ въ февралѣ 1894 г. Титову текущій счетъ до востребованія подъ обезпеченіе процентными бумагами (on call). Въ обезпеченіе выданной банкомъ ссуды Т. внесъ 5758 акцій общества глѣбовскихъ металлическихъ заводовъ, предсѣдателемъ правленія котораго онъ состоялъ, 260 акцій общества подъѣздныхъ путей и два векселя съ его бланками на 75 т. и 50 тыс. 7 апр. 1897 г. банкъ обратился къ Титову съ письмомъ, въ которомъ, ссылаясь на заявленіе Титову ранѣе требованія о заносѣ дополнительнаго обезпеченія, просилъ Титова внести къ 25 апр. дополнительное обезпеченіе въ размѣрѣ 40,000 р., и указать, какъ онъ можетъ обезпечить свой долгъ. Означенное требованіе не было исполнено Титовымъ. Въ маѣ того же года банкъ получилъ за счетъ Титова по одному изъ векселей 75 тыс. и 31 мая банкъ вновь обратился къ Титову съ требованіемъ о дополнительномъ обезпеченіи въ 100,000 руб. безъ указанія срока внесенія. На это требованіе Титовъ отвѣтилъ, что надѣется въ самомъ непродолжительномъ времени регулировать свой оп call'ный счетъ.

Такъ какъ обѣщаніе это не было исполнено, то банкъ послалъ Титову 19 и 21 іюля нотаріальныя заявленія съ назначеніемъ срока для взноса денегъ. По наступленіи этого срока, въ виду неисполненія этого требованія, банкъ приступилъ къ продажѣ его бумагъ. Титовъ, находя, что банкъ былъ обязанъ, вслѣдствіе оставленія имъ письма банка отъ 7 апр. 1897 г. безъ отвѣта, немедленно реализировать его депо, предъявилъ къ банку искъ объ уплатѣ 44170 р. съ % съ 25 апр. 1897 г., составляющихъ разницу между долгомъ его банку въ суммѣ 618,000 р. и биржевою стоимостью означенныхъ бумагъ (662,170 р.) по 25 апр. 1897 г., возврата 75,000 р. полученныхъ банкомъ за его, Титова, счетъ по векселямъ, переданныхъ банку для in casso, возврата 260 акцій Общества подъѣздныхъ путей и оставшагося въ портфель банка векселя съ его, Титова, бланкомъ на 50,000 р. Оспаривая требованія ища, банкъ предъявилъ встрѣчный искъ, требуя уплаты долга по опcall'ному счету въ суммѣ 148231 р. 25 к., опредѣлившейся на 2 сент. 1897 г. по зачетъ стоимости реализованныхъ бумагъ и полученныхъ по векселямъ денегъ.

Коммерческій судъ, разсмотрѣвъ 4 ноября 1897 г. взаимныя требованія сторонъ, опредѣлилъ въ искѣ

Титову отказать, взыскать съ Титова въ пользу банка 148,931 р. 95 к. съ % съ 2 сент. 1897 г. На означенное опредѣленіе Титовымъ была принесена апелляціонная жалоба.

Правительствующій Сенатъ нашелъ, что „взаимныя права и обязанности сторонъ, возникшія изъ правоотношеній, облеченныхъ ими въ письменное соглашеніе, должны обсуждаться прежде всего на основаніи постановленій этого соглашенія (ст. 569, 570 и 1536 т. X ч. 1), если только они не противны закону; засимъ уже, въ добавленіе къ послѣднимъ, могутъ имѣть примѣненіе установленныя обычаемъ и закономъ нормы, по сколько онѣ не исключаются постановленіями даннаго соглашенія. Въ настоящемъ случаѣ оп call'-ныя отношенія, изъ которыхъ возникли составляющіе предметъ настоящаго дѣла взаимныя иски Титова и банка, установились въ силу принятаго банкомъ къ исполненію заявленія Титова на его имя, отъ 12 февраля 1894 года, объ открытіи ему такого счета на основаніи подписанныхъ имъ, напечатанныхъ на оборотѣ заявленія, правилъ; посему эти послѣднія правила съ того момента, какъ банкомъ былъ открытъ Титову оп call'-ный счетъ, стали для нихъ тѣмъ соглашеніемъ сторонъ о заключенной сдѣлкѣ, на основаніи условій котораго и должны опредѣляться взаимныя ихъ права и обязанности. Въ виду сего и приведенное выше основное положеніе иска Титова относительно обязанности банка приступить къ реализаціи депо счета 25 апрѣля 1897 года должно быть разсматриваемо прежде всего въ соображеніи съ подписанными Титовымъ и принятыми банкомъ правилами. Изъ этихъ правилъ усматривается, что въ силу § 10 оныхъ „банкъ имѣетъ право требовать во всякое время отъ лица, которому открытъ кредитъ до востребованія (on call), уплаты всей или части суммы, выданной ему въ счетъ этого кредита; лицо же, которому открытъ кредитъ, обязано исполнить требованіе банка и уплатить ему въ назначенный банкомъ срокъ (не менѣе трехъ дней со дня доставленія требованія) требуемую банкомъ сумму; въ случаѣ неисполненія сего, банкъ имѣетъ право, по своему усмотрѣнію, во всякое время, продать на С.-Петербургской биржѣ всѣ или часть принятыхъ имъ въ обезпеченіе открытаго кредита процентныхъ бумагъ“. Примѣняя эти условія къ настоящему дѣлу, Правительствующій Сенатъ находитъ, что письмомъ отъ 7 апрѣля 1897 года Русскій для внѣшней торговли банкъ, ссылаясь на заявленное Титову ранѣе требованіе о заносѣ дополнительнаго обезпеченія по счету въ суммѣ 100,000 рублей до 25 апрѣля, просилъ Титова, въ измѣненіе того требованія („желая облегчить уплату затребованнаго обезпеченія“), внести первоначально, т. е. къ 25 апрѣля лишь 40,000 р.—сумму наросшихъ по счету за предшествовавшій годъ процентовъ, и указать засимъ, „въ какіе сро-

ки и какими бумагами“ онъ, Титовъ, намѣренъ внести „дальнѣйшее обезпеченіе“. Такимъ образомъ, приведеннымъ письмомъ банкъ требовалъ отъ Титова погашенія части его долга по оп call'ному счету взносомъ 40,000 рублей до 25 апрѣля, какое требованіе банка осталось со стороны Титова неисполненнымъ. Последнее обстоятельство, въ силу вышеприведеннаго § 10 правилъ, давало банку право продать обезпечительныя бумаги Титова во всякое время по своему усмотрѣнію, но не обязывало его, вопреки мнѣнію апелляторовъ, приступить къ реализаціи этихъ бумагъ непременно 25 апрѣля или въ ближайшіе къ этому сроку биржевые дни. Поэтому, ссылка апелляторовъ на существующій торговый обычай, подтверждаемый постановленіемъ гласныхъ С.-Петербургской биржи, отъ 8 декабря 1881 года, и признанный судебною практикою, въ силу коего лицо, открывающее другому кредитъ до востребованія подъ обезпеченіе процентныхъ бумагъ, въ случаѣ неуплаты въ назначенный срокъ всего или части долга, или невзноса дополнительнаго обезпеченія, обязано приступить къ продажѣ заложенныхъ бумагъ въ первый за симъ или ближайшій биржевой день и, во всякомъ случаѣ, отсрочивая продажу бумагъ, въ правѣ произвести расчетъ за нихъ не иначе, какъ по курсу не ниже стоявшаго въ срочные дни,—не можетъ имѣть примѣненія къ настоящему дѣлу, ибо, какъ объяснено выше, обычай этотъ добровольно измѣненъ контрагентами состоявшимся между ними спеціальнымъ соглашеніемъ, взаимность какового измѣненія этого обычая прямо, впрочемъ, предусматрѣна и постановленіемъ гласныхъ С.-Петербургской биржи, на которое ссылаются апелляторы. Изъ изложеннаго вытекаетъ, что Титовъ, зная, на какихъ условіяхъ ему былъ открытъ банкомъ оп call'ный счетъ, по полученіи письма банка отъ 7 апрѣля 1897 года, съ требованіемъ о взносѣ части дополнительнаго обезпеченія къ 25 апрѣля, не въ правѣ былъ вовсе рассчитывать на то, что если онъ не исполнитъ требованія банка, то банкъ приступитъ къ реализаціи обезпечивавшихъ счетъ процентныхъ бумагъ непременно вслѣдъ за истеченіемъ назначеннаго срока; если Титовъ признавалъ для себя выгоднымъ, чтобы принадлежавшія ему процентныя бумаги реализованы были именно не позже 25 апрѣля или ближайшихъ къ нему дней, то онъ обязанъ былъ, при такихъ условіяхъ, потребовать этого отъ банка, на что онъ имѣлъ несомнѣнное право въ силу тѣхъ же принятыхъ контрагентами къ исполненію правилъ, и только тогда могъ бы обвинять банкъ въ допущенной медленности въ отношеніи реализаціи бумагъ, если бы банкъ отказался отъ исполненія этого его законнаго требованія. При этомъ нельзя не остановиться и на томъ соображеніи, что банкъ, приобретя послѣ 25 апрѣля право на реализацію обезпечительнаго депо Титова, не лишился, однако, права отказаться, по тѣмъ или другимъ соображеніямъ, отъ ликвидаціи счета Титова; такъ именно въ данномъ случаѣ банкъ и долженъ быть признанъ поступившимъ, къ чему имѣлся у него основательный поводъ, такъ какъ изъ дѣла усматривается, что въ маѣ 1897 года банкъ получилъ за счетъ Титова по векселямъ Мамонтова 75,000 рублей,—сумму, съ избыткомъ покрывавшую долгъ Титова въ 40 000 рублей, на покрытіе коего и было потребовано отъ Титова, письмомъ отъ 7 апрѣля, представленіе дополнительнаго обезпеченія къ 25 апрѣля. Поэтому, вообще письмо банка отъ 7 апрѣля 1897 года должно быть признано утратившимъ силу и значеніе послѣ поступленія въ распоряженіе банка вышеуказанныхъ 75,000 рублей, и вслѣдствіе сего послѣдующее письмо банка отъ 31 мая 1897 года должно быть разсматриваемо—на чемъ настаиваютъ и сами апелляторы—въ качествѣ новаго заявленія требованія о представленіи Титовымъ дополнительнаго обез-

ченія въ суммѣ 100,000 рублей, сдѣланнаго банкомъ въ виду продолжавшагося паденія курса на акціи общества Глѣбовскихъ металлическихъ заводовъ; но такъ какъ въ этомъ письмѣ срока для представленія дополнительнаго обезпеченія назначено не было, то оно имѣло значеніе лишь предварительнаго предупрежденія банкомъ Титова о потребности въ обезпеченіи; когда же въ іюль 1897 года банкъ окончательно рѣшилъ вопросъ объ уплатѣ Титовымъ долга по счету, то послалъ ему о семъ 19 и 21 іюля нотаріальныя заявленія, съ назначеніемъ срока для взноса денегъ, а затѣмъ, по истеченіи означеннаго срока, по случаю неисполненія Титовымъ требованія банка, тотчасъ же приступилъ къ реализаціи его депо. Такимъ образомъ, вообще обвиненіе Титовымъ банка въ неприятіи имъ надлежащихъ мѣръ по письму отъ 7 апрѣля 1897 года представляется, по обстоятельству дѣла, неосновательнымъ“.

Установивъ засимъ на основаніи писемъ Титова къ банку, что банкъ дѣйствовалъ не только въ предѣлахъ своего права, но и сообразно съ намѣреніемъ самого Титова, что уже исключаетъ возможность обвиненія банка въ своекорыстныхъ дѣйствіяхъ и недобросовѣстномъ отношеніи къ интересамъ Титова, Севастъ продолжаетъ:

„Нельзя не остановиться и на томъ соображеніи, что если въ обыкновенныхъ случаяхъ банковое учрежденіе предполагается болѣе опытнымъ, чѣмъ кліентъ, въ биржевыхъ операціяхъ, а потому и обязаннымъ отвѣчать передъ кліентомъ за выборъ навывгоднѣйшаго времени для реализаціи обезпечительнаго депо, то въ настоящемъ случаѣ имѣлось какъ разъ обратное явленіе. Титовъ былъ однимъ изъ учредителей и директоровъ правленія общества Глѣбовскихъ заводовъ; вслѣдствіе этого онъ являлся естественно болѣе, чѣмъ банкъ, осведомленнымъ относительно положенія дѣлъ названнаго общества въ каждый данный моментъ и относительно дальнѣйшихъ ожиданій, и своими свѣдѣніями Титовъ дѣйствительно и дѣлился съ банкомъ, сообщая ему данныя, доказывавшія солидность и выгодность предпріятія (записка отъ 20 января 1897 года). При указанныхъ обстоятельствахъ выносъ банкомъ на С.-Петербургскую биржу, безъ прямого на то указанія со стороны Титова, принадлежавшихъ послѣднему 5,758 акцій общества Глѣбовскихъ заводовъ, т. е. болѣе трети всѣхъ акцій этого общества, въ неисполненіи чего Титовъ обвиняетъ въ настоящее время банкъ, являлось бы, какъ совершенно правильно указываетъ повѣренный банка Гантоверъ, именно дѣйствіемъ противнымъ и намѣренію и интересамъ Титова. Какъ уже объяснено выше, если Титовъ находилъ для себя выгоднымъ, чтобы акція его проданы были немедленно послѣ 25 апрѣля и чтобы вырученною стоимостію ихъ погашенъ былъ тогда же долгъ его банку по онкольному счету, то отъ него самого зависѣло дать соотвѣствующій о томъ приказъ банку. Что же касается ссылки апелляторовъ на болѣзнь Титова, помѣшавшую ему своевременно распорядиться своими акціями, то эта ссылка не заслуживаетъ уваженія, такъ какъ, во-первыхъ, банкъ, въ виду болѣзни Титова, не можетъ быть признанъ виновнымъ въ томъ, что не предпринялъ самъ по себѣ такихъ дѣйствій, которыя, по имѣвшимся у него даннымъ, не могли не представляться противными интересамъ и желанію Титова, и, во-вторыхъ, болѣзнь Титова въ дѣйствительности, какъ оказывается, не могла служить для него какимъ-нибудь пренятетвіемъ къ дачѣ банку приказа о своевременной продажѣ его акцій и о погашеніи всего его по онкольному счету долга, такъ какъ та же болѣзнь не помѣшала Титову представить банку 20 января 1897 года записку, которою онъ доказывалъ выгодность дѣла Глѣбовскихъ заводовъ, а въ февралѣ и мартѣ приобретать акціи Глѣбовскихъ заводовъ (письмо Титова отъ 12 февраля 1897 г.). На основаніи изложенныхъ сообра-

жей Правительствующей Сенатъ приходитъ къ заключенію, что за истцомъ Титовымъ не можетъ быть признано право, какъ это правильно заключилъ коммерческій судъ, приурочивать окончательный расчетъ его съ банкомъ къ 25 апрѣля 1897 г. Равнымъ образомъ такого срока, когда банкъ обязанъ былъ бы продать депо онкольнаго счета Титова и заключить этотъ счетъ, нельзя установить и на основаніи письма банка отъ 31 мая 1897 года, ибо въ этомъ письмѣ никакого срока для представленія потребованнаго отъ Титова дополнительнаго обезпеченія указано не было. Принимая за симъ во вниманіе: 1) что, вслѣдствіе безрезультатныхъ личныхъ переговоровъ съ Титовымъ, по пріѣздѣ его въ С.-Петербургъ, во исполненіе даннаго имъ въ письмѣ отъ 5 іюня общанія, — банкъ 19 и 21 іюля 1897 года нотаріальными заявленіями потребовалъ отъ Титова погашенія долга его банку по онкольному счету не позже 26 того же іюля, съ предвареніемъ, что въ противномъ случаѣ приступлено будетъ къ продажѣ обезпечительнаго депо Титова; 2) что такого рода образъ дѣйствія банка, равно какъ и послѣдующая реализація имъ принадлежавшихъ Титову процентныхъ бумагъ, къ которой приступлено было вслѣдствіе отказа Титова отъ исполненія требованія банка, представляются согласными съ правилами, на основаніи которыхъ между сторонами состоялось соглашеніе о вступленіи въ онкольныя отношенія. 3) что фактъ продажи банкомъ въ ближайшіе къ назначенному имъ Титову сроку (26 іюля) дни — 28 и 29 іюля 1897 года 5,758 акцій общества Глѣбовскихъ металлургическихъ заводовъ и 260 акцій общества подъѣздныхъ путей, составлявшихъ обезпеченіе онкольнаго счета Титова, равно какъ и вырученныя отъ продажи этихъ бумагъ суммы подтверждаются представленными банкомъ перепискою его съ гофмаклеромъ и маклерскими записками, и 4) что въ этомъ отношеніи, равно какъ и по самому расчету, заканчиваемому банкомъ на 2 сентября 1897 года, поглотившему какъ принадлежавшія Титову 260 акцій общества подъѣздныхъ путей, такъ и полученныя банкомъ за счетъ Титова по векселямъ 75,000 рублей, Титовъ въ цифровомъ отношеніи никакого спора не заявляетъ. — Правительствующій Сенатъ находитъ встрѣчный искъ банка въ суммѣ 148,931 руб. 95 коп. подлежащимъ удовлетворенію, а главный искъ Титова, какъ основанный на неправомерномъ расчетѣ курсовой стоимости акцій общества Глѣбовскихъ заводовъ, приурочиваемомъ къ 25 апрѣля 1897 года, подлежащимъ оставленію безъ уваженія. Что же касается указанія апелляторомъ на неправомерность отнесенія банкомъ на кредитъ онкольнаго счета Титова 75,000 руб., полученныхъ банкомъ за его, Титова, счетъ по двумъ векселямъ Мамонтова, то такое не заслуживаетъ уваженія по слѣдующимъ соображеніямъ. Хотя Титовъ, препровождая банку означенные векселя, въ числѣ другихъ, и просилъ принять таковые для *in casso*, для своевременнаго полученія по нимъ денегъ въ его, Титова, пользу, но означенное указаніе Титова относително дѣли передачи имъ банку векселей не можетъ служить основаніемъ къ признанію незаконнымъ удержанія банкомъ полученной по нимъ валюты въ погашеніе долга ему Титова по онкольному счету, съ занесеніемъ этой валюты на кредитъ означеннаго счета, ибо, во-первыхъ, въ письмѣ своемъ отъ 29 мая 1897 года банкъ, подтверждая полученіе векселей Мамонтова, присовокупилъ, что таковые приняты имъ для инкассо въ кредитъ текущаго счета Титова, а такъ какъ послѣдній на это заявленіе банка не возражилъ и такъ какъ Титовъ имѣлъ въ банкѣ, по объясненію послѣдняго, Титовымъ не оспариваемому, всего лишь одинъ онкольный счетъ, о которомъ идетъ рѣчь въ настоящемъ дѣлѣ, то занесеніе банкомъ полученныхъ своевременно по векселямъ платежей на кредитъ означеннаго счета представляется правильнымъ; во-вто-

рыхъ, независимо отъ сего, право банка на удержаніе вышеозначенныхъ денегъ, дошедшихъ къ нему хотя бы и не по онкольнымъ отношеніямъ его съ Титовымъ, въ погашеніе долга послѣдняго, изъ этихъ отношеній возникшаго, должно быть признано за нимъ въ силу торговаго обычая, по которому купецъ въправѣ удержать дошедшія къ нему деньги его должника на удовлетвореніе своей къ послѣднему претензіи; и, въ-третьихъ, съ отнесеніемъ означенныхъ 75,000 руб. на кредитъ онкольнаго счета Титова уменьшилась сумма долга послѣдняго банку по этому счету, а потому такимъ зачетомъ ничѣмъ не были нарушены интересы Титова. Обращаясь къ ходатайству Титова о признаніи банка обязаннымъ возратить ему теперь же вексель Михайлова на 50,000 руб., Правительствующій Сенатъ находитъ, что таковое, по преждевременности, не подлежитъ удовлетворенію; означенный вексель, отъ своевременнаго возврата коего банкъ вовсе не отказывается, служа обезпеченіемъ того, что Титовъ погаситъ долгъ свой банку по онкольному счету, въ окончательный расчетъ по существовавшимъ между ними онкольнымъ отношеніямъ, можетъ подлежать возвращенію ему лишь послѣ того, какъ этотъ долгъ будетъ Титовымъ въ дѣйствительности погашенъ, признаніе же банка обязаннымъ возратить вексель Михайлова въ настоящее время, до уплаты Титовымъ присуждаемой нынѣ съ него въ пользу банка суммы, являлось бы прямымъ нарушеніемъ правъ и интересовъ банка, путемъ лишенія его предоставленной самимъ Титовымъ гарантіи въ полученіи соответствующей суммы, въ случаѣ неисправности его, Титова, отъ векселедателя Михайлова.

Подлежащія разсмотрѣнію суда взаимныя претензіи банка и Титова разрѣшены Правит. Сенатомъ на основаніи правилъ объ *оп call*'ныхъ счетахъ, которые были выработаны банкомъ и которымъ подчинился Титовъ, подписавъ эти правила при открытіи въ банкѣ на его имя *оп call*'наго счета. Такой приемъ разрѣшенія спорнаго вопроса ведетъ непосредственно къ совершенно правильному разрѣшенію иска. Дѣло однако въ томъ, что *оп call*'ныя отношенія въ Русскомъ банкѣ не представляютъ по существу никакихъ отличій отъ такихъ же отношеній въ другихъ банкахъ. Отношенія эти успѣли уже сложиться въ исполнѣ опредѣленныя формы, установленныя торговымъ обычаемъ и неоднократно признанныя нашими судами. Поэтому, болѣе рационально было поставленъ вопросъ коммерческимъ судомъ, разсмотрѣвшимъ его съ точки зрѣнія существа института *оп call*'наго счета. Ком. судъ разъяснилъ, что отношенія по *оп call*'ному счету нисколько не освобождаютъ должника отъ необходимости заботиться о своихъ собственныхъ интересахъ, и вообще не освобождаютъ его отъ обязанности, свойственныхъ всякаго рода долговымъ отношеніямъ. Если Титовъ находилъ почему-либо вреднымъ для своихъ интересовъ недостаточность обезпеченія своего счета въ Русскомъ для внѣшней торговли банкѣ, то, какъ это уже признано судебною практикою по подобнымъ дѣламъ (рѣшеніе Спб. коммерческаго суда по дѣлу администраціи торг. дома Шаскольскій и К^о съ Давидсономъ отъ 30 января 1889 г. Практика В. Вильсона. 1883—1893 г., № 168), отъ самаго Титова зависѣло своевременно представлять по этому счету дополнителныя обезпеченія. Точно также, имѣя по существу *оп call*'ныхъ отношеній право прекратить таковыя во всякое время по своему усмотрѣнію, Титовъ могъ, если находилъ вреднымъ для своихъ интересовъ дальнѣйшее продолженіе этихъ отношеній, потребовать ихъ принудительной ликвидаціи. Поэтому, указаніе повѣреннаго истца, сдѣланное въ объясненіи на встрѣчный искъ, что банкъ, въ виду недостаточной обезпеченности долга Титова къ 25 апрѣля, обязанъ былъ въ своихъ личныхъ интересахъ озаботиться тогда же ликвидаціей означеннаго

долга, представляется лишенным законного основания, тѣмъ болѣе, что банкъ можетъ быть признанъ отвѣтственнымъ за вылачу ссуды подъ недостаточныя обезпеченія лишь передъ своими акціонерами, но отнюдь не передъ лицами, воспользовавшимися таковыми ссудами. Равнымъ образомъ, въ силу той же обязанности cadaго заботиться самому о своихъ интересахъ, представляется неосновательнымъ и указаніе повѣренныхъ истца, сдѣланное въ поданномъ ими по сему дѣлу опроверженіи, на то, что банкъ, оставляя Глѣбовскія акціи не проданными, тѣмъ самымъ не предпринималъ ничего для предотвращения Титова отъ убытковъ. Далѣе, коммерческій судъ разъяснилъ, что взглядъ на принудительную продажу цѣнностей, обезпечивающихся оп call'ный счетъ, въ случаѣ непредставленія должникомъ затрѣбованнаго отъ него дополнительнаго обезпеченія или покрытія долга, именно какъ на право кредитора, установленъ цѣлымъ рядомъ рѣшеній Правительствующаго Сената. Въ пространныхъ разъясненіяхъ, данныхъ Правительствующимъ Сенатомъ по этому, составляющему предметъ спора сторонъ въ настоящемъ дѣлѣ, вопросу въ дѣлахъ Делафаръ, Исаковой и др. (Практика Прав. Сената 1889—1896 г. 2 ч. В. Гребнера 1896 г.) указывается лишь, что осуществленіе банкомъ этого права не должно быть направлено къ безотчетному распоряженію этимъ правомъ въ явное нарушеніе интересовъ кліента.

Одесская судебная палата.

Недѣйствительность публичнаго торга (1180 ст. уст. гр. с.).

Въ объявленіяхъ о назначеніи въ публичную продажу имѣнія Я—чѣ таковое показано было нигдѣ не заложеннымъ; между тѣмъ, за два дня до публичной продажи этого имѣнія, на коей оно осталось въ суммѣ 4080 руб. за Ф—мъ, были получены первыя свѣдѣнія правленія Бессарабско-Таврическаго земельного банка о томъ, что назначенное въ продажу имѣніе заложено въ банкъ. По жалобѣ опекуна надъ проданнымъ имуществомъ умершаго Я. и кредиторовъ послѣдняго, К.-Подольскій окр. судъ призналъ произведенный торгъ недѣйствительнымъ на томъ основаніи, что оглашеніе публичной продажи производится посредствомъ печатныхъ объявленій, содержаніе коихъ должно соответствовать, при продажѣ недвижимыхъ имѣній, 1147 ст. уст. гр. суд., что точное соблюденіе правила указаннаго въ 5 п. 1147 ст. уст. гр. суд. имѣетъ весьма важное значеніе и не можетъ быть признано второстепеннымъ, ибо, само собою разумѣется, наличность долга на имѣніи земельному банку открываетъ доступъ къ тому имѣнію на торгахъ большому количеству соревнвателей, такъ какъ представляется возможность за купленное имѣніе внести меньшее количество наличныхъ денегъ, и что въ виду допущенной въ данномъ случаѣ ошибки въ объявленіяхъ о продажѣ имѣнія Я. непомѣщеніемъ въ нихъ свѣдѣній обязательныхъ по 5 п. 1147 ст. уст. гр. суд. о залогѣ имѣнія этого въ банкъ,—нельзя не признавать, что этимъ нарушены, какъ интересы кредиторовъ Я., такъ и интересы его опеки.

По частной жалобѣ покупщика имѣнія дѣло это перешло на разсмотрѣніе Одесской судебной палаты, и палата не согласилась со взглядами суда по слѣдующимъ соображеніямъ.

Судъ призналъ недѣйствительнымъ произведенный торгъ на продажу недвижимаго имущества Я. исключительно только потому, что въ публикаціяхъ о продажѣ сего имѣнія сказано, что продаваемое имѣніе нигдѣ не заложено, а въ торговомъ листѣ значится, что имѣніе это состоитъ въ залогѣ въ Бессарабско-Таврическомъ земельномъ банкѣ въ

суммѣ 12,000 руб.; изъ дѣла видно, что ошибка эта произошла потому, что въ описи имѣнія значилось, что описанное имѣніе нигдѣ не заложено и равнымъ образомъ и въ сообщеніи старшаго нотариуса тоже не заключалось свѣдѣній о залогѣ имѣнія въ Бессарабско-Таврическомъ земельномъ банкѣ; согласно описи была составлена и публикаціонная статья; когда же потомъ правленіе Бессарабско-Таврическаго земельного банка, получивъ частнымъ путемъ свѣдѣнія о томъ, что имѣніе Я. назначено въ продажу, сообщило судебному приставу, что имѣніе это состоитъ въ залогѣ въ банкѣ по судѣ, выданной Я., и просило, сверхъ взысканія недоимочныхъ платежей за сроки 30 іюня и 31 декабря 1891 года, перевести на покупателя весь капитальный долгъ въ суммѣ 11,136 р. 39 к., то судебный приставъ включилъ въ торговый листъ свѣдѣніе о залогѣ имѣнія. Поступивъ такимъ образомъ, суд. приставъ не допустилъ никакого нарушенія; и такъ какъ торгъ можетъ быть признанъ недѣйствительнымъ только по причинамъ, указаннымъ въ 1180 ст. уст. гр. суд., то очевидно, что настоящій случай не подходитъ подъ дѣйствіе означенной статьи закона, а посему и опредѣленіе суда о признаніи торга недѣйствительнымъ представляется неправильнымъ; соображеніе суда, послужившее поводомъ къ признанію торга недѣйствительнымъ, заключалось въ томъ, что непомѣщеніе въ публикаціонной статьѣ свѣдѣній о залогѣ могло закрыть доступъ къ явкѣ на торги большаго количества покупателей, но соображеніе это составляетъ одно предположеніе, ни на чемъ не основанное. Въ виду сего обжалованное опредѣленіе суда подлежитъ отмѣнѣ.

Въ законодательныхъ мотивахъ подъ ст. 1180 говорится, что „случаи уничтоженія публичныхъ торговъ опредѣлены въ нашихъ законахъ съ надлежащей точностью и по возможности ограничены. Въ этомъ отношеніи законы наши удовлетворяютъ тому началу, которое Госуд. Совѣтъ неоднократно высказывалъ при обсужденіи частныхъ дѣлъ.—именно, что уничтоженіе публичныхъ продажъ всегда нарушаетъ право третьяго лица (покупщика) и уничтожаетъ довѣріе къ присутственнымъ мѣстамъ, производящимъ продажу“.

Въ соотвѣстствіе съ этими мотивами въ нашей литературѣ (см. напр. Малышева т. II стр. 153, Анненкова т. V стр. 429) единодушно высказывается взглядъ, что перечень случаевъ недѣйствительности торга, сдѣланный въ ст. 1180 ст., слѣдуетъ считать исключительнымъ, такъ что при другихъ неправильностяхъ производства продажа имущества, если она состоялась, сохраняетъ свою силу.—Въ свою очередь и Пр. Сенатъ, въ началѣ своей дѣятельности (въ рѣшеніяхъ 1870 г. № 1340, 1871 г. № 1091, 1874 г. № 647 и др.) рѣшительно отвергалъ распространительное толкованіе 1180 ст. Но уже въ 1877 г. стало пробиваться противоположное теченіе и въ цѣломъ рядѣ послѣдовавшихъ засимъ рѣшеній Прав. Сенатъ сталъ отступать отъ прежде высказаннаго взгляда и, наконецъ, въ рѣшеніи № 95 за 1896 г. рѣшительно установилъ, что „хотя въ ст. 1180 уст. гр. суд. и перечислены четыре случая, въ которыхъ публичный торгъ на недвижимо имѣніе считается несостоявшимся (недѣйствительнымъ?), но за всѣмъ тѣмъ по разъясненіямъ Пр. Сената, независимо отъ сдѣланныхъ въ приведенной статьѣ закона указаній, могутъ быть еще и другіе случаи, въ коихъ состоявшаяся публичная продажа недвижимаго имѣнія не можетъ быть оставлена въ силѣ,

как совершенная съ нарушеніемъ существенныхъ условій такой продажи". По поводу этихъ послѣднихъ рѣшеній Анненковъ (т. V стр. 430) замѣчаетъ, что хотя они и несогласны съ правилами толкованія законовъ, но ихъ нельзя не признать правильными, въ виду того, что всѣ такого рода постановленія устава, которыя по ихъ значенію должны бы быть принимаемы за исчерпывающія постановленія, составлены настолько неудачно, что научныя правила толкованія законовъ не могутъ быть къ объясненію ихъ примѣняемы. Едва ли, однако, нужно доказывать, что установленныя правила герменевтики должны быть примѣняемы не только къ удачнымъ постановленіямъ закона, тѣмъ болѣе, что и критерій удачности довольно неуловимъ. Во всякомъ случаѣ, такъ какъ исчерпывающій характеръ 1180 ст. имѣетъ совершенно опредѣленную цѣль обезпечить прочность публичныхъ продажъ, то распространительное толкованіе 1180 ст. въ корнѣ подрываетъ ratio legis, идетъ наперекоръ цѣли и волю закона. Разъ вообще допущено отступленіе отъ прямого смысла закона и продажа признается недѣйствительной, не только по несоблюденію правилъ 1180 ст., но и по несоблюденію правилъ объ описи, оцѣнкѣ, публикаціи и т. д., то естественно, что третьи лица, не имѣющія возможности провѣрить, соблюдены ли всѣ эти правила, воздержатся отъ участія въ торгѣ, послѣдствій котораго нельзя предугадать. Вотъ почему нельзя не согласиться съ приведеннымъ рѣшеніемъ Одесской судебной палаты, хотя съ точки зрѣнія господствующей сенатской практики, руководствующейся „интересами“ должника и кредиторовъ, настоящий случай давалъ основаніе признать торгъ недѣйствительнымъ, тѣмъ болѣе что здѣсь, очевидно, имѣлась ошибка суда, не собравшаго своевременно справки о запрещеніяхъ, или ст. нотариуса, не показавшаго запрещенія въ своей справкѣ.

Новгородскій Окружный Судъ.

(Установленіе самоличности подсудимаго).

Приговоромъ Воронежскаго окружнаго суда отъ 23 мая 1891 года крестьянинъ Тамбовской губерніи, Борисоглѣбскаго уѣзда, села Малыхъ Алабухъ, Иванъ Федоровъ Поздняковъ, за святотатство, былъ осужденъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылки въ каторжныя работы на двѣнадцать лѣтъ съ послѣдствіями по 25 ст. улож. о наказ. Приговоръ этотъ вошелъ въ законную силу, но до обращенія его къ исполненію Поздняковъ бѣжалъ изъ Борисоглѣбской тюрьмы и скрылся. Затѣмъ, 13 апрѣля 1897 года была совершена вооруженная кража изъ кладовой Новгородскаго общественнаго банка и въ качествѣ обвиняемаго по этому дѣлу былъ привлеченъ, въ числѣ прочихъ одиннадцати лицъ, Ковенскій мѣщанинъ Маріанъ Антоновъ Хржчановичъ. При дальнѣйшемъ производствѣ предварительнаго слѣдствія обнаружился данный, указавшій на то, что упомянутый обвиняемый ложно именуется себя Хржчановичемъ, но что онъ въ дѣйствительности бѣжавшій въ 1891 году изъ Борисоглѣбской тюрьмы ссыльно-каторжный Иванъ Федоровъ Поздняковъ, осужденный вышеприведеннымъ приговоромъ Воронежскаго окружнаго суда. Въ данныхъ по этому поводу самимъ подсудимымъ на предварительномъ слѣдствіи объясненіяхъ, какъ это видно изъ обвинительнаго акта, онъ признаетъ, что онъ не

Маріанъ Хржчановичъ, документами коего онъ воспользовался, но и не Поздняковъ, и что онъ своего дѣйствительнаго званія открыть не желаетъ, и признаетъ себя бродягою. Такимъ образомъ, на предварительномъ слѣдствіи истинное званіе этого подсудимаго формально не было установлено; тѣмъ не менѣе, опредѣленіемъ С.-Петербургской судебной палаты отъ 18 іюня 1898 года, за составленіе воровской шайки и совершеніе вооруженной кражи изъ Новгородскаго общественнаго банка былъ преданъ окружному суду съ участіемъ присяжныхъ заседателей, въ числѣ прочихъ, и ссыльно-каторжный Иванъ Федоровъ Поздняковъ, но при этомъ къ приложенному къ обвинительному акту и утвержденному судебной палатой списку лицъ, вызываемыхъ въ судъ, вызывалась цѣлая серія свидѣтелей для удостовѣренія того, что предстоявшій подсудимый—дѣйствительно Иванъ Федоровъ Поздняковъ.

По открытіи судебного засѣданія подсудимый этотъ, будучи опрошенъ въ порядкѣ 638 ст. уст. угол. судопр., далъ совершенно тождественное объясненіе, какъ и на предварительномъ слѣдствіи, т. е. что онъ—не Поздняковъ, а бродяга.

Окружный судъ, не предлагая этого вопроса на разрѣшеніе присяжныхъ заседателей, нашель, однако, необходимымъ войти въ обсужденіе такового и, на основаніи выслушанныхъ на судебномъ слѣдствіи свидѣтельскихъ показаній, призналъ установленнымъ, что подсудимый, ложно именующій себя Маріаномъ Хржчановичъ, есть Иванъ Федоровъ Поздняковъ, а потому и приговорилъ его въ сложности съ приговоромъ Воронежскаго окружнаго суда къ восемнадцатилѣтней каторжной работѣ.

Разрѣшеніе вопроса о самоличности подсудимаго имѣло въ данномъ случаѣ сугубое значеніе: во-первыхъ, такъ какъ судимое преступленіе совершенно послѣ провозглашенія резолюціи Воронежскаго окружнаго суда по дѣлу о святотатствѣ, то къ наказанію, опредѣленному подсудимому по дѣлу о кражѣ изъ кладовой Новгородскаго банка—шестилѣтнія каторжныя работы¹⁾—прикладывалось, на основаніи 133 ст. улож. о наказ., опредѣленное Воронежскимъ окружнымъ судомъ Ивану Позднякову весьма серьезное наказаніе—двѣнадцатилѣтнія каторжныя работы, и во-вторыхъ, къ подсудимому, какъ ссыльно-каторжному, могли быть примѣнены сверхъ сего 435 и 437 ст. уст. о ссыльн. (т. XIV св. зак. по изд. 1892 г.), т. е. тѣлесное наказаніе плетьюми.

Въ нашемъ законодательствѣ, какъ извѣстно, не имѣется указаній на порядокъ признанія самоличности подсудимаго и суду предстали двѣ дилеммы,—такъ сказать общая и частная. Общая заключалась въ томъ: слѣдуетъ-ли суду вообще разрѣшать этотъ вопросъ, или же признать его разрѣшеннымъ упомянутымъ опредѣленіемъ судебной палаты отъ 18 іюня 1898 г., коимъ категорически преданъ суду ссыльно-каторжный Иванъ Поздняковъ, но для чего тогда вызывалась въ судъ, по постановленію той же палаты, цѣлая серія свидѣтелей, изобличившихъ личность Позднякова? Частная дилемма заключалась въ томъ: если вопросъ этотъ подлежитъ разрѣшенію, то ставить ли его на обсужденіе [присяжныхъ заседателей или же судъ долженъ разрѣшить его самъ безъ участія присяжныхъ заседателей?

Эта дилемма нуждается въ разрѣшеніи ея путемъ законодательнымъ.

¹⁾ Согласно 1654, 1641, 927 и 7 ст. 19 ст. улож. о наказ.

Списокъ дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію въ Правительствующемъ Сенатѣ.

На 1 февраля, по 3 Департаменту.

Апел. Корали, Стеткевича и др. о злостномъ банкротствѣ Корали.

Частныя: о назначеніи въ публичную продажу земли въ урочищѣ Капалбекъ за долги Константиновскаго коннаго завода; о продажѣ и перезалогѣ недвижимыхъ имѣній: Гусевой; малолѣтняго Коробко; Золотаревскаго; Петручи; золотыхъ вещей Осинскаго; наслѣдниковъ: Сноморевскаго; Малинской; объ освидѣт. умств. способ. Вильгеля.

На 4 февраля, по 3 Департаменту.

Апел.: о возоб. межъ и межев. признаковъ: дачи пустоши Малой Лодейной; въ дачѣ 2 ч. пустоши Большой и Малой Выстрейковъ; дачи сель. Знаменскаго, Малышева тожъ.

Слѣдств.: о возоб. межъ и межев. признаковъ: дачи сѣньныхъ покосовъ села Трофимова; дачи Сергинскихъ заводовъ; дачи дер. Котальвой.

Слѣдств. апел.: о возоб. межъ и межев. признаковъ: дачи 2 ч. села Лопатницъ; дачи дер. Леонтьевской и Бкминовской.

Частныя: объ отмѣнѣ полюбовной сказки дачи мѣстечка Любичи; объ утвержд. полюбовныхъ сказокъ на размежеваніе дачъ пустоши Мелентьевой и Панкиной; о повѣркѣ планоу на землю дер. Подсадники; объ утвержд. границъ села Покровскаго; о повѣркѣ размежеванія дачи дер. Кадышевой; о возобн. границъ крестьянъ 3-го Кошшинскаго общества; о возобн. межъ и межев. признаковъ: дачи дер. Осатицъ; дачи Краснаго Луга; о продажѣ недвижимыхъ имуществъ наслѣдниковъ: Романовскаго; Фишера; Котова; Капо (перезалогъ); объ умств. способ.: Сорокина; Стромиллова; Жеребцова; Коршунова; Рябинина.

На 4 февраля, по 3 экспед. 4 Департамента.

Апел.: по искамъ: Русск. общ. для выдѣлки и продажи пороха къ Вубліеву 13,783 руб. 5 к.; Зафирато къ Когану 2,176 р. 40 к.; Войко къ Горбачеву о ликвидаціи дѣлъ товарищества и по встрѣчному иску; по претензіямъ къ Машеди-Алекскеръ-Ага-Асадъ-оглы-Асадовымъ.

Частныя: по прошеніямъ; Поповскаго; Мипкунера; пов. Соколовскаго; Вассермановъ; о продажѣ, залогѣ и перезалогѣ недвижимыхъ имуществъ: Смольскаго; Семежскаго; Родзевичъ; Габриловича; Гиршовичей; наслѣдниковъ: Ускова; Данилова; Куленскаго; Гаврилова; Шиловскаго; Вончъ-Бруевича; Смолина; Григорьева; Маликова; малолѣтнихъ: Семеновыхъ; дѣтей Шапиловскаго; Антоновой; Вончъ-Бруевичъ; Мякинскихъ; Ульяновыхъ; наслѣдниковъ: Зильва; Плонской; Протопоповыхъ; Морозъ; Лопухиной; Дмитровскихъ; Преображенскихъ; Темникой; объ освид. умств. способ.: Бломбергъ; Хмѣлевокой; Грушкина; Высоцкаго; Кремера; Кропшинской; Тейнеръ; Васильева; Волкова; Сучкова; Хросцицкой; Тверицкой; Ирмеса; Карпова; Кочетовскаго; Варлеманскаго.

На 4 февраля, по 5 Департаменту.

Арест.: о Лукмановѣ въ сопротивленіи жѣноной стражѣ; о Сариновѣ въ убійствѣ; о Мурзабековѣ въ разбоѣ.

Апел.: о Мамбеталиевѣ въ преступленіи должности.

Уголовныя: о Меньшенинѣ по 1647 ст. ул.; о Шивринскомъ и Кузнецовой въ лжесвидѣтельствѣ; о Акимовѣ въ поджогѣ.

Частныя: жал. Сѣдова; о Байторинѣ въ кражѣ; прощ. Иноятуллаева.

На 1 февраля, по апелляц. столу Угол. Касс. Департ.

Протесты: тов. прок. на Тифлисск. с. п. по обв. Джемарджиде по 2 ч. 1540 ст. ул.; тов. прок. на Спб. с. п. по обв. Кокеша, Дмитріева и Иванова по 1 ч. 452 ст. ул.; по отзыву Чечелева на Тифлисск. с. п. 135 и 31 ст. ул. и 347 и 348 ст. ул.; по отзыву Якубовскаго на Тифлисск. с. п. растрата.

На 4 февраля, по 1 отд. Угол. Касс. Департ.

Жалобы: Чернобыльскаго Звенигородск. м. с.; Моховеръ Могилевск. м. с.; Дунаевскаго Тверск. о. с.; Соколинскаго Виленск. м. с.; Аксельрода Виленск. м. с.; Ротауге Спб. ст. м. с.; Шнейваса Полоцк. м. с.; Сигала Оквирек. м. с.; Сташкова Спб. уѣзд. м. с.; Карасевыхъ Спб. уѣзд. м. с.; Ратнера Лидск. м. с.; Фалькевича Радомск. 1 окр. м. с.; Млышка и др. Варшавск. гор. м. с.; президента гор. Сандомира Радомск. 2 окр. м. с. по обв. Мильштейна; Ролендбергъ Кременецк. м. с.; Гиндуса Могилевск. м. с.; Славирскаго Радомск. 1 окр. м. с.; Ренкава Варшавск. 1 окр. м. с.; управл. Хоперск. окр.

Хоперск. м. с. по обв. Селивестровой и др.; Попковой Ломжинск. 2 окр. м. с.; Спѣвакъ Варшавск. гор. м. с.; Дорофйна Спб. ст. м. с.; Варшавской Петроковск. 3 окр. м. с.; Оппенгейма Варшавск. гор. м. с.; Вродецкий Петроковск. 1 окр. м. с.;—въ по обв. въ наруш. стр. уст.; Кирилы Липовецк. м. с.; Генерсона Бобруйск. м. с.; Назарова Саратовск. м. с.; Вѣтрина-Спб. ст. м. с.; Граммана Р.-Вольмарск. м. с.; Вольфа Р.-Вольмарск. м. с.; Цинне Р.-Вольмарск. м. с.; Канторовъ Рѣжицк. м. с.; Ткачовой Сквирек. м. с.; Горшковой Самарск. о. с.; Кулепова Петрозаводск. о. с.; Бондарева Екатеринбургск. о. с.; Альберштадтъ Выш.-Волыск. м. с.; Болштейна Борисовск. м. с.; Варукова Гомельск. м. с.; Грузинской Херсонск. о. с.; Полякова Тульск. о. с.; Иткина Чериковск. м. с.; Мельца Р.-Гапсальск. м. с.; Егорова Московск. ст. м. с.; Вильковича Радомск. 1 окр. м. с.; Лпсовой Житомирск. м. с.;—въ по обв. наруш. шт. уст.; Кузнецова Астраханск. о. с. 1681 ст. ул.; Вройда Ростовск.-на-Дону м. с. наруш. таможен. уст.; Маркова Астраханск. гор. м. с. 31 ст. у.; Залканъ Астраханск. гор. м. с. 38 ст. у.; Ллеухина Саратовск. о. с. кража; д-та таможен. сбор. Варшавск. с. п. по обв. Фуковъ и др. въ контрабандѣ; Тыщенкова Оренбургск. о. с. 1484 ст. ул.; Тасемки Варшавск. с. п. въ наруш. таможен. уст.

На 5 февраля, по 2 отд. Угол. Касс. Департ.

Жалобы: Фрея Киевск. о. с. 1609 ст. ул.; Шлемовича Виленск. о. с. 940 ст. ул.; Осокина на опред. Казанск. с. п.; Фролова Череповецк. о. с. 1483 ст. ул.; Григоринки на опред. Екатеринбургск. о. с.; Гуныки на опред. Киевск. с. п.; Колалова на опред. Московск. с. п.; Махмуда-Юнусова-Абадана-оглы на опред. Киевск. с. п.; Гримблята и Романова Могилевск. о. с. 170 ст. у.; Вудника Могилевск. м. с. 169 ст. у.; Зильберштейнъ Киевск. м. с. 180 ст. у.; Исакова Киевск. м. с. 142 ст. у.; Григоровскаго Киевск. м. с. 172 ст. у.; Шевченко и Заяца Кишиневск. о. с. 1655 ст. ул. и 170¹ ст. у.; Варинаова Спб. о. с. 1484 ст. ул.; Ридкера Кременецк. м. с. кража; Тончаева и Готовца Стародубск. о. с. 1643 ст. ул.; Захайнаго на опред. Киевск. с. п.; Шерманъ на опред. Кишиневск. м. с.; Золдуковскаго Полтавск. о. с. ростовщичество; Повицкаго Р. Мозырк. м. с. 115 ст. у.; Тышкевича Бобруйск. м. с. по обв. Севастыенковъ и др. въ самовольной ловлѣ рыбы; Ницкаго Киевск. м. с. 115 ст. у.; Акримова Кишиневск. о. с. 1655 ст. ул.; Долича и Чапѣва Слуцк. м. с. кража; Цилевича Одесск. о. с. 1642 ст. ул.; Григоренко и Желѣзняченко Киевск. о. с. 1490 ст. ул.; Корнелюка Луцк. о. с. 940 ст. ул.; Поляковъ и др. на опред. Московск. с. п.; Вѣльева на опред. Казанск. с. п.; Пальчевскаго Проскуровск. м. с. по обв. Вылежинскаго на 142 ст. ул.; Алексѣева Кишиневск. м. с. 142 ст. у.; Кацмана Р.-Мозырк. м. с. 115 ст. у.; Кудравцева Р.-Мозырк. м. с. 142 ст. у.; Габриевича Ковельск. м. с. 152 ст. у.; Кишио Спб. о. с. 1455 ст. ул.; Ромащука и др. на опред. Киевск. с. п.; Овчинникова Спб. о. с. 1657 и 977 ст. ул.; Гертмана Борисовск. м. с. кража; Ахтема-Муслюмъ-оглы и др. Симферопольск. о. с. 1484 и 1482 ст. ул.; Волженкова на опред. Казанск. с. п.; Журавля на опред. Тифлисск. с. п.; Солпа Виленск. м. с. 102 ст. у.; Кучинскаго и Венедиктова Ямпольск. м. с. по обв. Везульскихъ и др. въ самовольной ловлѣ рыбы; Коротыскаго Могилевск. м. с. 130 ст. у.; Апштейна Киевск. м. с. 31 ст. у.; Хайновскаго Балтск. м. с. по обв. Скрыскаго въ кражѣ; Степанской и Андриани Киевск. м. с. 142 ст. у.

Протестъ тов. прок. на Симферопольск. о. с. по обв. Семеновъ по 1452 ст. ул.

На 6 февраля, по 3 отд. Угол. Касс. Департ.

Жалобы: Володина Тульск. о. с. 170 ст. у.; Кондратьева и Кондратьевой Вятск. о. с. 1594 ст. ул.; Мазурова Тульск. о. с. 1594 ст. ул.; Ситникова Смоленск. о. с. 1642 ст. ул.; Журниной Спб. ст. м. с. 169 ст. у.; Бурмейстера Р.-Вольмарск. м. с. 38 ст. у.; Сафоновой 2 Донск. м. с. 169 ст. у.; Тимофеева Спб. ст. м. с. по обв. Леуша и Мордуховскихъ въ мошенничествѣ; Калигевичъ Спб. ст. м. с. по обв. Качалова въ растратѣ; Буллана Спб. ст. м. с. 135 ст. у.; Абрамовичъ Спб. ст. м. с. по обв. Юханова по 177 ст. уст.; Литуга Полтавск. о. с. 1523 ст. ул.; Кравченко и Литовки Полтавск. о. с. 1490 ст. ул.; Подгорнаго Харьковск. о. с. 1526 ст. ул.; Гурина и др. Воронежск. о. с. 1490 ст. ул.; Майшана Петроковск. 3 окр. м. с. 29 ст. у.; Квѣдинскаго Спб. ст. м. с. 177 ст. у.; Шкутанъ Спб. ст. м. с. клевета; Шока Ф.-Илдукетск. м. с. 106 ст. у.; Рябинина Спб. ст. м. с. 29 ст. у.; уполномоч. Таращанск. у. полиц. Таращанск. м. с.

по обв. Заславскаго и др. по 29 ст. у.; Суворова и Жукова Кашинск. о. с. 1528 ст. у.; Никонова Московск. о. с. 1681 ст. ул.; Чистякова Костромск. о. с. 1692 ст. ул. и 155 ст. у.; Брига и Довженко Полтавск. о. с. 1464 ст. ул.; пресѣд. Копотонек. по квартирн. налогу приеут. Нѣжинск. о. с. по обв. Хославскаго въ наруш. полож. о квартирн. налогѣ; Фолькъ Московск. ст. м. с. 129 ст. у.; Гордона Ф.-Илдукстек. м. с. 136 ст. у.; Нейфельдъ Московск. ст. м. с. 131 ст. у.; Патендаки Таганрогск. м. с. 176 ст. у.; Звигина Тульск. о. с. 1672 ст. ул.; Захарова и др. Харьковск. о. с. 1697 ст. ул.; Крутова Владимірскаго. о. с. 172 ст. у.; Ульянова Тульск. о. с. 169 ст. у.; пов. т-ва „Вр. Луи и К^о въ Бордо“ Одесск. с. п. по обв. Миллера въ наруш. закона 26 февраля 1896 г. о то. варныхъ знакахъ; Герасименко Екатеринославск. о. с. 1451 ст. ул.; Лебедевой Владимірскаго. о. с. 1591 ст. ул.; Карева и Петрова Московск. о. с. 1655 ст. ул.; Хайтовича Таганрогск. о. с. 238 ст. ул.; Теплова Костромск. о. с. укрыв. крад.; Бу-рова Нижегородск. гор. м. с. 115 ст. у.; Яворской Р.-Гау-сальск. м. с. 136 ст. у.; Одиной Сиб. ст. м. с. 142 ст. у.; Цоликофера и Вѣдугина Сиб. ст. м. с. 38 ст. у.; Маноима Рѣжик. м. с. 169 ст. у.; Кузьминой Московск. ст. м. с. по обв. Маркушевича по 177 ст. у.; Маслюкова Симбирск. о. с. по обв. Илларионова и Красильникова въ кражѣ; Лукьянца Лубенск. о. с. 1484 ст. ул.; Крамера Сиб. ст. м. с. 142 ст. у.; Влюмберга Шавельск. м. с. 56 ст. полож. о короб. сборѣ; Дычковой Лубенск. о. с. кража; Слннъковъ Лубенск. о. с. 170 ст. у.; Парадни Полоцк. м. с. 169 ст. у.; Капиноса Харь-ковск. о. с. 170¹ ст. у.; Егорова Московск. ст. м. с. 38 ст. у.; Суханова Веронеежск. о. с. кража; Кушакевича Р.-Воль-марск. м. с. 135 ст. у.

Протесты: тов. прок. на Сиб. ст. м. с. по обв. Бродова по 129 ст. у.; тов. прок. на Таганрогск. о. с. по обв. Вонда-рева по 1484 ст. ул.; тов. прок. на Нижегородск. о. с. по обв. Овчинниковой по 1455 ст. ул.

На 5 февраля, по 4 отд. Угол. Касс. Департ.

Жалобы: Кончуса и др. Виленск. с. п. 1692 ст. ул.; Гри-горьева и Кабакова Тифлиск. с. п. 997 ст. ул.; Серафимова Тифлиск. с. п. 1632 ст. ул.; Олейникова Казанск. с. п. 1654 ст. ул.; пов. фирмы „Карль Гофрихтеръ“ Петроковск. 3 окр. м. с. по обв. Осесера по 177 ст. у.; Лукьяниченко Екате-ринодарск. м. с. покупка завѣдомо краденаго; Кеворкова Екатеринодарск. м. с. неопрытно содержаніе пекарни; До-линскаго Петроковск. 1 окр. м. с. 172 ст. у.; Гроновскаго Варшавск. гор. м. с. 38 ст. у.; Кузнецова Сиб. с. п. 1483 ст. ул.; Влюмфельда Сиб. с. п. 1483 ст. ул.; Калмазана Одесск. с. п. 373 ст. ул.; Гаджи-Рагима-Гаджи-Гаджи-Ага-оглы и Ис-маиль-Бекъ-Абдуль-Али-Бекъ-оглы Тифлиск. с. п. 1632 ст. ул.; Тасина-Молла-Гасанъ-оглы и Агабалы-Гумбатъ-оглы Тифлиск. с. п. разбой; Мосесова Тифлиск. с. п. коунство; Начкетія Тифлиск. с. п. 1455 ст. ул.; Кулибека-Мамедъ-Га-санъ-Бекъ-оглы Тифлиск. с. п. ч. 14. 1549 ст. ул.; Ювьяна Петроковск. 3 окр. м. с. 135 ст. у.; Серенсень Екатеринодарск. м. с. по обв. Бурсака по 128 ст. у.; Мельчарскаго Петроковск. 1 окр. м. с. 142 ст. у.; Майзеля Варшавск. гор. м. с. по обв. Розенблума по 142 ст. у.; Царецкаго Калишск. 2 окр. м. с. по обв. Фуковъ по 142 ст. у.; Зѣвскаго Кѣлецк. 1 окр. м. с. по обв. Гродзинскаго въ кражѣ; Ефимовой Влади-кавказск. м. с. кража; Згличнскаго Варшавск. с. п. 1494 ст. ул.; Садыкова и др. Кизлярск. м. с. 180 ст. у.; Дгебуадезе Тифлиск. с. п. 1462 ст. ул.; Чупурова Екатеринодарск. м. с. 115 ст. у.; Крука Радомск. 1 окр. м. с. кража; Антиповой Московск. с. п. по обв. Окунькова по 1085 ст. у.; Дря-гина Сиб. с. п. 994 ст. ул.; Щигеля Радомск. 1 окр. м. с. оскорбленіе дѣйствіемъ; Вогумила и Корчака Радомск. 1 окр. м. с. 172 ст. у.; Левандовскаго Радомск. 1 окр. м. с. кража; упр. гос. имущ. Чириковск. м. с. по обв. Антонова и Васильевой въ порубкѣ лѣса; Циринскаго Пинск. м. с. 57² ст. у.; Климова Никольск. м. с. порубка лѣса; Гаттесмана Овручск. м. с. 57² ст. у.; Вонковского Плоцк. 1 окр. м. с. по обв. Вагадинскихъ по 142 ст. у.; Ганчевскаго Варшавск. гор. м. с. по обв. Онишко въ клеветѣ; Смугловск. Варшавск. гор. м. с. оскорбленіе; Дудика Кѣлецк. 2 окр. м. с. обвѣсъ; Моисеева Екатеринодарск. м. с. 115 ст. у.; Гурова Екатери-нодарск. м. с. 128 ст. у.; Хойницкаго Плоцк. 1 окр. м. с. 135 ст. у.; Яблонской Плоцк. 2 окр. м. с. 115 ст. у.; Ка-меновск. Плоцк. 2 окр. м. с. по обв. Игначака и др., по 136 ст. у.; Марецкаго Варшавск. гор. м. с. по 173 ст. у.; Тодоровскаго Варшавск. гор. м. с. 134 ст. у.; Ротенштейна Варшавск. гор. м. с. 180 ст. у.; Гертлейна Варшавск. гор. м.

с. 142 ст. у.; Цивинскаго Варшавск. гор. м. с. 38 ст. у.; Сибга Варшавск. 1 окр. м. с. насиліе; Пеграшевскаго Вар-шавск. 1 окр. м. с. обиды словомъ и угрозы; Тимухиной Вар-шавск. 1 окр. м. с. по обв. Гладковскаго въ побойхъ; Вариновой Моск. с. п. по обв. Левина по 994 ст. ул.

Протесты: тов. прок. на Кіевск. с. п. по обв. Сидуна и Коноваленко по 1490 ст. ул.; тов. прок. на Кѣлецк. 1 окр. м. с. по обв. Михцика въ кражѣ.

Прощеніе Зинченковой о возоб. дѣла о Васиѣи Зин-ченко.

На 3 февраля, по 1 отд. Гражд. Касс. Департ.

Палатскія: Рижекой гор. упр. съ Шмидтомъ; наслѣдн. умерш. Розенкранца о наслѣд. пошлин.; Морица съ Рогге; фонъ-Сиверса съ Самсонъ; Нарвской гор. упр. съ Вѣтро-вымъ; Эльриха съ Рижекимъ Шоммерч. Ванкомъ; Верзина съ бар. Фрейгангъ.

Създовья: Вруклина съ Задинаномъ; фонъ Гюнцеля съ Амперманомъ; Добе съ Вашулъ; торг. дом. „Братъевъ Варке“ съ Костелянецомъ; бар. Клейста съ Фрейтеомъ; Крейсера съ Таммомъ; Кребса съ Бригеромъ; Жукеть-Пенауской сберег. кассы; Мейнеръ съ Мейнеромъ; Влюма съ Вреде; Іогансона съ Принкомъ и др.; Леверскаго вол. общ. съ Каллоломъ; Керта съ Дальверъ; бар. Гейкинга съ Пузерелемъ; Либерта съ Дра-лемъ; Арона съ Рауксомъ; Абрамова съ Іевлевымъ; Винерта съ Шекутевымъ 3 дѣла; Лимберга съ Сельи; Ульрика съ Коритонемъ и др.; Эйхенбаума съ Лешпомъ; Стенцлера съ Да-ушкономъ; Вибера съ Юргенсомъ; Альберта съ Егеромъ; Ам-пермана съ Амперманомъ; фонъ-Дена съ Влуморельдомъ; Оп-кинга съ Вихманомъ; Оозольнека съ Фрейманъ.

На 3 февраля, по 2 отд. Гражд. Касс. Департ.

Палатскія: Сиб. общ. страх. отъ огня имущ. и пожизн. доходовъ и капиталовъ съ Пашковскимъ; Дроздовой съ страх. общ. Волга; общ. кр. д. Чичилова съ Захаровымъ и др.; общ. кр. с. Хворостянки съ Тюриновымъ; Рынкевичей съ Ви-ленско-Ковенскимъ упр. госуд. имущ.; Протопопова съ Хва-лынской гор. упр.

Създовья: Новацкихъ съ Пликусами-Жмутеками; Новот-наго съ Олешкевичъ; Архиповой съ Ситниковымъ; Кононова съ Лурашевичемъ и др.; Холецкаго съ Ивановичъ; Фроловыхъ съ Медковой; Шидлиной съ Матвѣевой; Орлова съ Чертковымъ; Фельденкрайза съ Хржановскимъ; Идашкина и др. съ Выдрой; Короткова съ Рожневымъ; Розенбергъ съ Щеголовымъ; Ва-женовыхъ и др. съ Долговой; Котова съ Общ. кр. с. Осно ваго-Солодца; Сухова съ Пачковскимъ; Ромиловскаго съ Без-палой; Зарицкаго съ Круковскимъ; Жюги съ Горюшко и др.; Лося съ Тимофѣевичемъ; Дубовика съ Лукашевичами; Гр. Кра-сицкихъ съ Зиберштейномъ; Свѣржевскаго съ Элькиндома; Шура съ Зеликсономъ, Комаровымъ; Высочайше утвержде-наго Росс. Общ. морск., рѣчнаго, сухопутнаго страхов. и трансп. Кладей и Товар. складовъ съ выдачею ссудъ съ За-пѣниннымъ; Цемиловскаго съ Люткевичемъ и др.; Общ. сел. Канръ съ Мельниковымъ; Баумана съ Остахевичемъ; Миллеръ съ Рабиновичемъ; Козлова съ Дитковымъ.

На 4 февраля, по 3 отд. Гражд. Касс. Департ.

Палатскія: Упр. Казени, ж. д. съ Землянской, Петрен-ковой, Маслевичемъ, Липинимъ, Алантовымъ, Умрихиной, Саллеромъ, Крачуновымъ, Тиньковымъ, Чернявскимъ; Юго-Восточн. ж. д. съ Богатыревымъ, Каминской съ Привислян. ж. д.

Създовья: Упр. Казени, ж. д. съ Пумпянскимъ, Мп-тянскимъ, Моляцкимъ и др. 7 дѣлъ, Карнибодомъ 9 дѣлъ, Спекторомъ, Маркусомъ, Кошланомъ, Левтаномъ, Гординымъ, Вольперномъ, Барановымъ, Левинимъ 5 дѣлъ, Лукинимъ 2 дѣла, Виленскимъ 2 дѣла, Вочаровымъ, Гуреничемъ 5 дѣлъ, Слуцкимъ 2 дѣла; Явичъ и др. 6 дѣлъ, Узданскаго и др. 16 дѣлъ, Рабиновича и др. 10 дѣлъ, Маргудеса и др. 3 дѣла, Вольфа и др. 12 дѣлъ, Боданскаго, Хохума, Врука 2 дѣла, Шульдберга, Берлина, Карнибада, Кустина 3 дѣла, Эренрийд-са и др. 2 дѣла—всѣ съ Ивангородо-Домбровскою ж. д.; Торгов. дом. Нейфельдъ и К^о съ Юго-Западн. ж. д.; Тарнов-скаго съ Лябаво-Роменск. ж. д.; Бернштейна съ Юго-Западн. ж. д.; Торг. дом. Луи Дрейфусъ съ Упр. Казени, ж. д.; Харь-ково-Николаев. ж. д. съ Вахнянскимъ; Шварцмана съ СИБ.-Варшавск. ж. д.; Шварцмана съ Упр. Казени, ж. д.; Эйдель-берга съ Лябаво-Роменск. ж. д.; Розенблума съ Моск.-Врестск. ж. д.; Шескина съ Упр. Казени, ж. д.; Зилберштейна съ Варшав.-Вѣнск. ж. д.; Фукса съ Юго-Западн. ж. д.; Юго-За-падн. ж. д. съ Шапиро и др.; Афонина съ Управл. Казени, ж. д.